

Мешок историй

Трагикомическая жизнь
российской глубинки

Мешок историй (сборник)

Издательский дом «Сказочная дорога»

2011

УДК 82-32
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Мешок историй (сборник) / Издательский дом «Сказочная дорога», 2011

ISBN 978-5-4329-0001-2

В книгу вошли истории, рассказанные и присланные составителю книги северянами, главным образом жителями Архангельской, а также Вологодской областей, Республики Коми, Республики Карелия и других городов и весей России. Истории подлинные и весьма поучительные: о любви и измене, о тонкостях рыбацкого дела, о вредных привычках и о том, как от них избавиться, о нечистой силе и народных рецептах от хворей и болезней... Какие-то истории А. Росков помнит с юности, какие-то были записаны им в зрелые годы. Последние двадцать с лишним лет работает в газетах, десять из них – редактором газеты «Завалинка» (ООО «Издательство «Северная неделя», г. Северодвинск Архангельской области). В газете он не раз объявлял конкурс рассказов на ту или иную тему. Два года назад Александр при встрече со своим другом и однокашником по Литинституту Константином Савельевым, проживающим на Украине, рассказал ему несколько подобных историй, и тот загорелся идеей: а почему бы не издать эти байки отдельной книгой? И вот она – эта книга!

УДК 82-32
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4329-0001-2

, 2011
© Издательский дом «Сказочная дорога», 2011

Содержание

Про нечистую силу	7
Не ходите ночью в баню...	7
Баенник да Обдериха напугали Филю лихо	8
Как Иван Лукич Бога прогневил	11
Был случай...	12
Ночная гостья	13
А волосы у него дыбом стоят	14
Совет бабки Степаниды	15
Вот так братец!	16
Стало нам жутко от глупой шутки	17
Заселяясь в дом новый, помни про домового	18
Как домовый отучил мою бабушку Федору кошек бить	19
Это было давно, лет пятнадцать назад, повстречался я с Пушкиным в бане...	20
Ходит леший по опушкам, дурит головы девчушкам	21
Заплутали в трех соснах	21
А я с дедушкой была	21
Догадлива ты, девка!	22
Еще раз про Шулыкина	24
Там чудеса, там леший бродит...	24
Не путем и дорожкой увела нас эта кошка	24
А за левым плечом сидят леший и черт	26
Мамины молитвы	26
Бабе что-то в рот попало – бесноватой баба стала	26
Мы не «икотницы»	27
При выходе из дома	27
Молитва перед началом всякого дела	27
Сила Креста	27
Песнь Пресвятой Богородице	28
Смех за левым плечом	28
Встреча с чертом	28
Еще один заговор	29
Отец знаткой и дочь знаткая, знать, судьба у них такая	30
Нет такой лошади, чтобы не спотыкалась	30
Свадебный поезд выезжает нечетом	30
По беду, не по грибы	31
Нашу баню лед забарабанил	32
Ходи под Богом, но не ступай в след лесового	33
По чащобам, без дорог девку лесовик волок	33
Остановись, крещеная, будешь прощенная	33
И деду Мише за храбрость тоже от черта досталось	33
И в трудный час навестила мама нас	35
Водки шкалик пожалела и в канаву улетела	36
Про нечистого духа	37
А это папа приходил...	38
Гадание от петуха	39

Ходил и уговаривал покойный муж жену	40
Бабушкина примета	41
Бабушке домовой приказал идти домой	42
Пошла Варя в баню мыться, слышит: кто-то в дверь стучится	43
Зять – нечего с него взять	43
И старик все сделал вмиг	43
Павел все дело исправил	43
Наяву, во сне ли было... Я со свекром говорила	45
Вещие сны	46
На ночь глядя явился дядя	46
Горестную «телеграмму» принесли мне дамы	46
Чьи там кости на погосте?	47
Кто хозяин в доме?	48
И нечистая та сила показалась девкам милой	49
А я своего милого узнала по...	50
Тот самый Шулыкин	51
Эй, товарищ!	53
Лихолетье	54
Бабья месть	54
«Бородавка» для затравки	55
Деревня наша – волчий угол	56
Волки и... гармоника	56
«Наши» волки хорошие, а «не наши» – плохие	56
Коровья тактика обороны	57
Провожатые	57
Как я волка застегнула	58
Семь годков только, а на руках – Колька да Лелька	59
Ты упряма, я упрям: беды делим пополам	59
Игровой наехал пыл: про козу я позабыл	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Александр Александрович Росков
Мешок историй. Трагикомическая
жизнь российской глубинки

© Росков А.А., 2011

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление, 2011

Про нечистую силу Это было давно, лет пятнадцать назад, повстречался я с Пушкиным в бане...

Не ходите ночью в баню...

Давно это было, я еще девчонкой бегала. У нас жил одно время мамин брат – дядя Петя. Он работал директором торгового предприятия, был членом партии.

В субботу у нас была баня вытоплена. Все помылись, а дяди Пети нету и нету – где-то на работе задержался. Пришел уже в первом часу ночи.

Мама говорит:

– Вот, братец, баню прогулял!

А он:

– Не прогулял! Не верю я ни в какие предрассудки!

И ушел мыться.

Я спать легла. Вдруг слышу – на кухне шум, гам! Я выбегаю из спальни – дядя Петя голый стоит и весь в мыле. Только, говорит, пришел в баню, разделся, начал голову намыливать – вдруг кто-то невидимый выхватил мыло из рук и стал его мылить.

Дядя Петя насилу вырвался, тут уж не до одежды было, голый рванул домой.

Папа пошел в баню с фонарем, но там никого не обнаружил, только все было раскидано: мочалка, мыло, одежда, на окне стояла лампа керосиновая – тоже опрокинута, и стекло разбито.

После этого дядя Петя, хоть и партийный был, поверил в предрассудки и в баню после полуночи не ходил больше...

М.Н. Грибакова, г. Онега

Баенник да Обдериха напугали Филю лихо

Один мужик по имени Филипп Пантелейкин построил на краю болота баню-сауну на финский лад. А Баенника не пригласил на жительство, не задобрил – ни хлеба ему не принес, ни соли, даже черную курицу под порогом не похоронил.

А Баенник не гордый, он и без приглашения сам вселился в сауну, устроился под скамейкой и знай себе поживает. В холода на каменке греется, в жару водой обливается. Ну, и вредит хозяину понемножку за свою обиду. То веники растреплет на полу, то каменку разберет, а то мыло или мочалку запрячет куда подальше.

Сам Баенник росточку невысокого, но большеголовый, большеглазый и весь волосатый, как шерстяник. Хотя Филипп в таком облачении ни разу не видел его, да и вообще никак не видел, но начал подозревать, что кто-то в его баньке-сауне хозяйничает.

А неподалеку от Филиппа жила Ксения. Молодая да пригожая, но вдова уже, что по нынешним временам и неудивительно. Жила Ксения с дочкой в маленьком бревенчатом доме, и на краю небольшого огорода была у Ксении малюсенькая, без трубы, банька по-черному.

И, как положено, жила в этой баньке банная матушка – Баенниха, или, как ее в народе еще называют, Обдериха. В годах уже была, худая, долговязая, зубы торчат, на животе и на заднице складки чуть не до полу свисают. Вреда хозяйке своей Обдериха не делала, наоборот – то паутину с углов смахнет старым веником, то оконце протрет, чтобы хоть чуть-чуть посветлее было в баньке-то.

Ксения замечала, конечно, что тут хозяйюшка завелась, но не гнала ее, а, уходя из бани, обычно приговаривала:

– Баенниха, Баенниха, не серчай на меня. Вот тебе мыло, вот тебе веничек мяконький, мойся чистехонько да береги баньку от огня и сырости.

Баенник не любил шляться куда-нибудь без дела, все больше в сауне своей на лавке дремал или сверчков да пауков ловил от безделья, в тазу топил, но не до смерти, потому что живность всякую любил и любил разговаривать с нею:

– Кто ты такой, скажи мне? Таракашка ты и есть неразумная! Хочу – утоплю тебя, хочу – вытащу и выпью с тобой коньяку рюмочку, хоть за приезд, – и выуживал приплывшего к краю таза паучка.

Коньяк у Баенника всегда водился – Филипп никогда не приходил париться без бутылочки и без какой-нибудь женщины – каждый раз новая женщина была. Срамота, что они вытворяли.

Баенник под скамейку прятался и глаза обеими ручками закрывал.

А коньяк недопитый Филипп на подоконнике оставлял вместе с бутылочками из-под шампуня. И Баенник его обязательно прибирал.

Коньяк Баеннику очень нравился, потому-то он и не строил своему хозяину смертельных злыдней. А ведь за обиду свою забываемую Баенник и задушить мог – хоть угаром, хоть шапкой, которую Филипп, когда парится, на уши натягивает.

И вот вынужден был Баенник пойти в гости к Обдерихе.

– Здорово ли живешь, Обдериха?

– Не жалуясь, вода в кадлушке всегда свежая.

– Да-а. А бедновато тут у тебя.

– Хоромов, как некоторые баре, не имеем, а и на том спасибо, что крыша над головой есть. Сказывай, чего надо?

– Хозяйка у тебя, говорю, больно хорошенькая.

– Хорошенькая, пригоженькая, да не вами ухоженная. Не баней ли со мной поменяться хочешь, пес лохматый? Не уступлю, и не проси даже! Хозяюшка моя приветливая, говорунья, с такой жить – милое дело!

– Вот и я про то. За водой-то она мимо моего окошка ходит. Бывает, и с хозяином сталкивается.

– Ну и чего?

– Как-то он ей говорит: «У меня домовой, что ли, в сауне завелся? Весь коньяк мой выпивает, веники треплет, мыло замыливает. Может, зайдешь ко мне попариться. Вдвоем-то быстро изгоним нахлебника».

Тут Обдериха захихикала, зашла мелким кашлем:

– А ведь выгонят они тебя, волосатика, как есть – выпарят. Хозяйка моя слово как к нам, так и от нас знает.

– Вот то-то и оно! Париться она в тот раз не согласилась, а посоветовала моему: «Ты как войдешь в баньку, первым делом скажи: крещеный – на полок, некрещеный – с полка!» Он и сказал так, я с полка и брякнулся. До сих пор бок болит. Тебе сейчас смешно, а я тогда еще и над ним похотел, бестолочем. Он и сам-то ведь некрещеный. Ну, и как полез на полок – так и хлопнулся на пол – то ли нога у него подвернулась, то ли коньяку лишнего хватанул. А ты коньяк-то не употребляешь? Я принесу, если что...

– Ты издалека-то не подъезжай, говори прямо, не сватать, поди, пришел...

– Кого? Тебя? Обдериху?

– Не знаю, меня ли, хозяйку ли мою, но уж больно масляно мажешь, как бы не поскользнуться.

– Во-во! Хозяйку твою как раз и могут просватать. Мой-то вчера опять ее подкараулил, облапал и чуть не силком париться тащил, хоть и сауна-то не протоплена была. Насилу вырвалась. Говорит: «У меня своя банька есть, а у тебя жарко, наверное...» – «Вот и хорошо, – засмеялся он, – предлог будет скорее раздеться...»

– Да, надо что-то делать, – призадумалась Обдериха.

– Вот и я говорю. Ты погляди в кадуюшку-то с водой, может, увидишь там, чем кончится это у них.

– И смотреть не буду, так знаю: посмеется он над ней да еще кучу ребятишек наделает. Майся потом с ними. А в бане места не больно-то много. Он ведь тоже мимо моего окошечка похаживает, не один раз даже заглядывал в него, когда хозяйка мылась. Ни стыда у него, ни совести...

На другой день Филипп проходил мимо Ксениной баньки. И на тебе! – повстречался с Ксенией. Пуще прежнего похорошела бабенка. И податлива как никогда. Филипп намекнул:

– Париться-жариться когда будем?

– Хоть сейчас, – говорит, – у меня как раз протоплено. Каменка душистая, и всяких трав наварила да на нее набрызгала. Полок чистехонек, я его скобелечком два денечка выскабливала, вычищала – хоть животом, хоть спиной ложись – не занозишься.

– Я-я... Я готов! – одурел от счастья Филипп. – Хоть сейчас готов! Я как раз ботинки новые купил, – подхватил на руки Ксению и скорехонько в баню.

– Она у тебя холодная, что ли? – начал озираться по сторонам Филипп, боясь в полумраке запачкаться обо что-нибудь.

– Да где же холодная? – запричитала Ксения. – Самый жар! Раздевайся да на полок залезай. Уж я тебя попарю!

– Вообще-то ничего, вроде жарко. А тут под лавкой собака, что ли, растянулась?

– Собака прижилась, греется маленько. Да она нам не мешает, пускай себе лежит.

Филипп торопливо скинул с себя одежду, бросил у порога, влез на полок. Передернулся от холода.

– Ты сама-то тоже раздевайся давай да залезай ко мне, а то чего-то холодно стало. Поддай-ка жару!

Разделась Ксения – ладная вся такая: титечки – в обморок можно упасть, ляжечки гладенькие, внизу живота волосы курчавятся.

– Давай, – говорит, – Филя, я на тебе сверху буду. Люблю сверху.

Филипп дара речи лишился, только головой кивает. Принял он Ксению на себя, глаза закрыл от наслаждения. А как открыл – чуть сознание не потерял: не Ксения сидит на нем, а страшная-престрашная старушенция.

Филипп сразу мужской силы лишился. А Обдериха (это она образ Ксении приняла) соскочила с него и давай мужика крапивным венником охаживать. А тут и Баенник вылез из-под лавки, оборотился из собаки в свой собственный вид, пьет коньяк прямо из горлышка да подзуживает:

– Кончай его, Обдериха! Дери его до смерти!

Но Баенник ведь и таракашков жалел, а тут – на-ко! – своего хозяина угробить?! Кто коньяк-то носить ему будет?

Когда Филипп совсем без чувств на полке распластался, взяли его Баенник с Обдерихой за руки да за ноги и в сауну перетащили.

Обдериха быстренько в своей баенке порядок навела, всю крапиву на улицу повыкидала.

Ксения потом долго дивовалась: откуда в ее баньке новые мужские ботинки оказались (остальную-то одежду нечистые унесли), по деревне ходила, спрашивала. Никто не признался, а Филипп Ксению даже на порог своей избы не пустил, на крючок закрылся и занавески на окошках задернул.

И париться ее в свою сауну больше не зазывал...

Михаил Волостнов, Республика Карелия

Как Иван Лукич Бога прогневил

Коротка у нас на Севере пора сенокосная. Того и гляди, дождь пойдет. А уж дожди-то у нас затяжные. Пока ведро стоит – успевай, хозяин, пошевеливайся.

Вот Иван Лукич и пошевеливался: косил, сушил, ворочал сено, стоговал.

Словом, дневал и ночевал на покосе. Радовался: будет теперь чем скотину кормить.

И ведь как ладно получилось – за неделю управился. И ни одного тебе дождливого денечка.

А как последнюю охапку сена на зарод бросил, радости было – через край. Успел-таки до набежавшей тучи.

Прикрыл зарод, а из тучи как хлынет.

– Успел, успел! – кричит он и в небо фигу показывает: дескать, вот, опередил, обманул небесную канцелярию.

Но тут молния до самой земли сверкнула. Да в зарод ударила.

Вспыхнуло сено и все в каких-нибудь пять минут сгорело, будто бы его и не было вовсе.

Чудеса, да и только!

Это не придумка какая-нибудь, а так на самом деле было.

История эта случилась в Верхнетоемском районе Архангельской области.

Ольга Батолина, г. Северодвинск

Был случай...

В 1934 году в деревне Щеглята умер молодой мужик, и его, по обычаю, увезли на три ночи в село Вой, в холодную церковь на моление (церковь у нас тогда еще не совсем была закрыта, службы в ней велись).

Отчего мужик умер – никто не знал, но сам он неведомым образом воскрес ночью в холодной церкви. Встал из гроба и заметался по пустому храму, ища выход. По существовавшему тогда поверью считалось, что в воскресшего человека вселялась нечистая сила, и, если его не убить, умрут три попа. «Покойник» об этом знал и понимал, что живым его из церкви не выпустят.

Утром в дверях церкви заскрипел замок, и в храм вошел ничего не подозревавший сторож. Только он переступил порог, как мужик в белой похоронной одежде налетел на него, ударил – и был таков.

После этого сторож онемел на всю жизнь. Мужик, как есть весь в белом, выскочил на улицу, а там – хлебный обоз мимо идет, лошадей 10–12. Он подбежал к обозу и кричит:

– Дайте мне тулуп!

Люди на возу удивились, но тулуп ему бросили.

Кое-как мужик добежал до родного дома и забарабанил что есть мочи в ворота – ноги-то в лаптях мерзнут.

Старик отец, убитый горем, спал на печи. Стук в ворота услышал младший сын. Удивился, кто бы это мог прийти в такую рань? Открыл ворота, и как увидел брата, так и повалился.

А «покойник» вбегает в свой дом и кричит:

– Скорее пускайте меня на печь! Скорее!

Старик со сна толком понять ничего не может: его усопший сын, весь в белом, холодный, лезет к нему на печь со словами:

– Тять, пусти меня на печь, я больно замерз!

У отца сердце не выдержало, и он тут же отдал Богу душу.

Рассказывают, что в войскую церковь старика отпевать не допустили. Пришлось везти его в другую.

А как сложилась дальнейшая жизнь воскресшего тогда мужика, теперь уже и не помнит никто.

Д.М. Казаков

Ночная гостья

У Миши Попова умерла жена. А еще неделю назад я говорил с ней, молоденькой смуглолицей красавицей. Меня, как фоторепортера и друга семьи, уговорили поснимать похороны. Отказаться было неудобно.

Еще не закончились поминки, как я уже проявил обе скорбные пленки. А ночью напечатал около полусотни фотографий.

На следующий день проснулся поздно, была суббота. Занимался какими-то делами, смотрел телевизор, ближе к полуночи потушил свет и лег спать.

И только закрыл глаза – в углу напротив кровати появилась она. Мишкина жена! Покойница молча стояла в своих белых туфлях и безмолвно смотрела на меня. Хотя в ту пору я был коммунистом и атеистом – озноб пробежал по коже. Потом вскочил с кровати, включил свет – видение исчезло...

Покурил, лег снова – покойница уже ожидала, когда я закрою глаза, чтобы появиться снова!

Уж какой тут сон! Включил свет.

И тут меня осенило! Я, схватив из холодильника кусок мяса, выбежал во двор и заорал в темноту:

– Уголек! Уголек! Уголек!

Так звали бесхозного черного пса, которому иногда перепадали от меня остатки холодацкого обеда. Я не надеялся, что он услышит меня. Но через минуту-другую пес уже вилял хвостом передо мной.

Я дал ему понюхать мясо и повел к себе домой. Бросил кусок возле кровати, залез под одеяло. Запустил пальцы в теплый собачий загривок и моментально уснул.

Следующая ночь прошла так же. Хотя без света, хоть со светом – незваная гостья тотчас появлялась в углу, как только я закрывал глаза. Хорошо, что в холодильнике еще оставалось мясо, и Уголек опять услышал мои крики о помощи...

О третьей ночи я стал думать уже с утра на работе, хотя работа на ум не шла. И тут я услышал в коридоре зычный голос фотографа из местного комбината бытового обслуживания, Юры Шамрило. Я к нему: так, мол, и так, может, посоветуешь что?

Юра расхохотался:

– И у меня такое бывало! Беги, пленки сожги, а фотографии отдай Мишке. И больше покойницу не увидишь.

Я бегом домой. Спалил негативы, схватил фотки – и к Мишке. Но того дома не оказалось. Я растерялся было, а потом рванул к Саше Козакову, нашему общему другу. Отдал ему фотографии и попросил передать их Мишке...

Наступила третья ночь. С опаской, поглядывая в угол, я лег в постель. Закрыл глаза и... незаметно уснул. Больше я покойницы не видел.

К сожалению, и нынче людей мрет немало. И может быть, опыт старых фотографов поможет кому-то избавиться от незваных гостей с того света.

Валерий Земной

А ВОЛОСЫ У НЕГО ДЫБОМ СТОЯТ

...У моей соседки из армии в отпуск пришел сын. И угораздило его приехать как раз 6 января, перед Рождеством Христовым.

По такому случаю соседей пригласили – Нину да Сашу. А солдата тоже Сашей звали. Выпили на четверых две бутылки водки.

Тут Нина и говорит солдату Саше: Святки, мол, начинаются, так можно суженую-ряженую увидеть.

Сашу, конечно, любопытство разобрало: а как?

– Да вон, – говорит Нина, – свечки есть, возьми две штуки, два зеркала, одно сзади себя поставь, другое – спереди, открой трубу у печи и скажи в трубу: «Суженая-ряженая, приди и покажись».

Разошлись они в первом часу ночи. Сашина мама с дочерью пошли спать в другую комнату, а он в зале остался.

Мать-то только ноги в постель занесла, а в зале-то как сбрыкало! Только грохот по всей избе пошел. Дочь говорит, что, мол, наверное, Сашка упал.

Прибежали они в зал в худых душах и увидели такую картину: Саша сидит на диване, а волосы у него дыбом стоят. А посуда из серванта вся вылетела и разбилась.

Саша пришел в себя и рассказал: большое зеркало он в сервант поставил, а маленькое в руку взял. И только сказал нужные слова в трубу, только сел на диван, навел маленькое зеркальце на большое да взглянул в него – тут же увидел в нем маленькую точку.

Потом точка все больше, все больше увеличивалась и превратилась в глаз.

Саша подумал: мой, что ли, глаз-то? Поморгал правым своим глазом, поморгал левым. А тот – в зеркальце – не моргает.

Саша взял да и ткнул в него пальцем, в тот чужой глаз. И в этот момент всю посуду из серванта вместе с большим зеркалом на пол выбросило.

А я в ту ночь работала на переезде.

Прихожу домой под утро, а соседка, Сашина мама, меня встречает:

– Катерина, зайди-ка к нам, погляди, что у меня паразит Сашка наделал, как погадал.

Я зашла и ужаснулась: вся посуда была на полу разбитая.

– Да что ты, – говорю, – Клава, неужели это правда?

– Да вот, специально до тебя посуду не убирали, чтобы ты поверила. Сами сидим и гадаем, что такое случилось?

Вот ведь еще что в жизни может приключиться.

Катерина Николаевна Корехова, пос. Плесецк Архангельской области

Совет бабки Степаниды

Хочу поделиться одной историей, которая произошла со мной в молодости...

Приехала я тогда на летние каникулы к родным в деревню отдохнуть. Деревенька была небольшая, все друг друга знали.

Жила в ту пору на деревне бабка Степанида, ей, поди, лет 80 с гаком было. Степанида слыла по всей округе знатной травницей и колдуньей. Многие шли к ней за помощью и советом. И она всем помогала.

А мне в городе нравился один парень. Но он не очень-то глядел в мою сторону, как мне хотелось бы. И вот решила я грешным делом наведаться к бабке Степаниде, попросить, чтобы она приворожила мне того парня.

А как раз начало июля было, день Ивана Купалы близился. Бабка Степанида выслушала меня и попросила хорошо подумать, прежде чем привораживать парня. Но в молодости мы глупые и упрямые – я настояла на своем.

И вот что посоветовала мне колдунья:

– В полночь на Ивана Купалу иди на реку, набери чугунок речной воды, принеси его домой. Да смотри, чтоб тебя никто не заметил. Воду в чугунок вскипяти и убери на сутки в темное место. Потом насобирай полевых ромашек ровно столько штук, сколько твоему милому годков. Оборви у ромашек шляпки, сполосни их в чистой колодезной воде и опусти в ту кипяченую речную воду – в чугунок. Но прежде воду процеди. Будешь ромашки в воду опускать, говори:

Кажись я тебе, милый, солнышком,
Как эти ромашки на него сходи.
Люби меня горячо, как солнце
Землю нашу любит и согревает.
Аминь.

Дай этой воде с ромашками настояться еще две недели в темном месте. Полученный настой процеди, перелей в бутылку и держи в холодильнике. При случае угости того парня, которого любишь, этой водицей – ни на кого, кроме тебя, он больше и не глянет...

Сделала я все, как бабка Степанида сказала. Правда, страшновато было идти в полночь на реку, но я сходила – желание быть любимой оказалось сильнее страха.

Настой у меня получился лимонного цвета, приятный и на вкус, и на запах. Поставила я бутылочку со снадобьем в холодильник и жила спокойно в деревне до осени. А осенью отдохнувшая и похорошевшая вернулась в город – к учебе. И бутылочку с собой привезла.

Встретились мы с друзьями и подругами и решили начало учебного года отметить. Оказался среди нас и парень, для которого я снадобье готовила. Он попросил попить, и я предложила ему «лимонного настоя». Он выпил стаканчик...

Верите – не верите, потом я сама своей задумке была не рада: забегал этот парень за мной, как теленок за своей мамкой. И быстро мне все это надоело, к тому же я его разлюбила. Хорошо, что вскоре учеба моя закончилась, и я уехала по распределению далеко от этого города. Хочу я предостеречь своим рассказом девушек и женщин от такого вот колдовства – потом сами не рады будут...

М. П., Пинежский район Архангельской области

Вот так братец!

Хочу одну быль рассказать... Раньше, до революции, не было никаких колхозов и совхозов, у крестьян были свои хозяйства и земельные наделы. Вот однажды, в один теплый осенний день, молодая пара – муж да жена – жали на своей полосе. А у них был маленький ребенок, которого не с кем было оставить дома. Они взяли его с собой в люльке, люльку повесили на елку – полоса была около леса. До вечера они жали, а потом жена поспешила домой – нужно было корову из стада встречать. Мужу сказала:

– Закончишь жать – заberi ребеночка.

А муж про ребенка-то и забыл. Пришел домой без люльки. Жена и побежала в поле на свою полосу. Видит и слышит: ребенок плачет, а его укачивает в люльке человек ростом с елку. Две елки вместе соединил, между ними люльку повесил, качает ее и напевает:

– Бай-бай, мать тебя оставила, отец позабыл.

Женщине стало страшно, не знает, как и подойти к этому человеку. Но что поделаешь, подходить надо. Приблизилась она да и спрашивает:

– Качаешь, братец?

Он отвечает:

– Качаю, сестрица! – И подает ей люльку с ребенком, ему понравилось, что она его «братцем» назвала.

Кто был этот человек – догадывайтесь сами.

Антонида Ходырева

Стало нам жутко от глупой шутки

Когда я училась в девятом классе школы-интерната, девочки, жившие со мной в одной комнате, решили погадать на блюдечке, вызвать духов. Сейчас, когда прошло много лет, мне эта история кажется смешной, но тогда нам было не до смеха.

Шесть девочек собрались вокруг стола. Зажгли свечу. Открыли форточку. Все положили руки на блюдце и стали звать духов. Чей дух конкретно приглашали – сейчас не стоит и вспоминать. А блюдце, вопреки нашему ожиданию, не сдвинулось, не завертелось. Никто не ответил на наш запрос. Дело-то зимой было, холодно. Мы форточку то закрывали, то открывали. Шутили, много смеялись.

Вдруг из-под пола раздался стук. Мы жили на первом этаже, никакого подвала в доме не было, непонятно, кто мог так стучать. Мы замолкли, в испуге уставились друг на друга. Стук повторился еще громче. Кровати заходили ходуном, пружины заскрипели, будто на них кто-то раскачивался. Вообще поднялся невообразимый шум.

Мы все шестеро с испугу вскочили на стол. Свеча упала, погасла. Жившие на втором этаже парни, услышав шум внизу, толпой ввалились в нашу комнату. Включили свет и, увидев нас стоящими на столе, от удивления раскрыли рты. Потом стали хохотать.

Мы, смущенные и перепуганные, выпроводили их из комнаты, так и не объяснив, что же у нас произошло. В ту ночь мы спали плохо, не решились даже выключить свет в комнате. С тех пор, думаю, никто из участниц ночного гадания ничем таким никогда больше не занимался.

Хочу посоветовать молодым: не делайте глупости, не занимайтесь гаданием – это не шутка.

Любовь Ивановна Долгополова, г. Череповец Вологодской области

Заселяясь в дом новый, помни про домового

Построил я лет десять назад в деревне домик, небольшой, чтобы ездить на отдых в отпуск, чтоб не надоедать кому-то из родственников, а иметь, как говорится, собственный угол. Через пару лет мои деревенские соседи тоже решили обновить свое жилище – дом поставили. И вот в очередной мой приезд тетка Анна, моя соседка, спрашивает:

– Как с домовым-то отношения у тебя, хороши ли?

– Да я его ни разу не видал, приезжаю на неделю-две. Он меня не беспокоит, и я претензий к нему не имею.

– Значит, домовому ты понравился, раз у вас все хорошо. А вообще-то надо было в дом-то вселяться, как это в старину делали. Я вот по-старинному переезжала. Домовушник-то меня иногда навещает, ведь живу-то одна. После смерти хозяина моего домовый часто показывается мне: сядет на лавочку у окошечка и тихо-тихо песенку распевает, какую-то очень знакомую, а слов понять не могу. А как только окликну его, что, мол, распелся-то, он как дымок и растает.

– А как в старину-то заселялись? – спрашиваю тетку Анну.

– А как запомнилось с детства, я так и сделала. В старой избе замесила тесто, разбила в него пару яиц, сахарку, маслица, соли добавила. В корзинку буханку хлеба ржаного положила, соли пачку, бутылочку святой воды. Латку с тестом тоже в корзинку поставила. Взяла старую икону из красного угла да еще кошку под мышку и пошла в новую избу. Кошку запустила первой туда, а потом, перекрестясь, и сама вошла.

Из приготовленного теста утром испекла пирог. Вышел он ровный да румяный. Но есть его, по старинному обычаю, нельзя было три дня. И вот, когда я его через три дня поставила на обеденный стол, чтобы гостей угостить, пирог по самому центру дал трещину, а это дурная примета – хозяин-то мой мало после того и пожил. Да и мне-то, чувствую, уж недолго осталось одной вековать.

– Ну, а как вы домового ублажали?

– А задобрили мы его пирогом и рюмочку налили, и чокнулись все гости с ним, и расположенья его попросили. Угощенье домовушнику на теплую печку поставили. И заговор я прочитала: «Хозяин-батюшка, сударь домовый, меня полюби да пожалуй, добро мое береги, скотинку мою береги, угощение мое прими и винца отпей из полной чаши!» А потом взяла я кошку и на печку посадила со словами: «Дарю тебе, батюшка-домовый, мохнатого зверя на богатый двор». Да тут случилось непредвиденное. Кошка-то была молодая, неизвестно чего испугалась – прыгнула за полатку, а потом молнией с печи, и хвостом опрокинула рюмку с угощеньем для домового. Налила я ему вторую рюмочку, да только беспокойно стало на душе моей. Что-то, видно, я не так сделала, ведь не зря по ночам приходит ко мне батюшка-домовый со своими печальными песенками.

Через неделю я уехал из деревни в город. Тетя Анна перекрестила меня на прощанье:

– Наверное, уж не увидимся на этом свете. А потом, через несколько дней, пришло известие: темной августовской ночью отдала Богу душу моя деревенская тетушка Анна. Видно, убавокал батюшка-домовый старушку вечным сном.

Владимир Марков, Кенозерье – Архангельск

Как домовый отучил мою бабушку Федору кошек бить

Было это давно, лет сто назад. Моя бабушка Федора десятилетней девочкой в школу не ходила, дома сидела. Но у нее было очень много обязанностей: избу прибрать, кур накормить, поросенку пойло отнести и многое другое. Не знаю почему, но бабуля не любила кошек, особенно когда ест за столом, а они об ноги трутся, курнявкуют, есть просят. Федора даже за стол не садилась, пока их из дома не выгонит и дверь не закроет.

А кормить кошек в то время было не принято, считалось, что они сами себе найдут пропитание. Блюдце молока налить – это еще ладно. А вот что другое... Никаких тебе «вискасов». Иначе зачем животное в доме? Пусть мышей ловит и ест.

И вот однажды Федора села поесть, а кошку забыла за дверь выставить, она – тут как тут. Курнявкает, об ноги Федоры трется. Рассердилась она да ногой кошку со всей силы и пнула.

И вдруг из подпечья показалась лохматая, бородатая голова – ну, точь-в-точь соседский мужик Яков, и заговорила даже его голосом:

– Ну, Федора! Если ты еще когда-нибудь кошку ударишь – не жить тебе на этом свете!

Дико закричала Федора, забилась в истерике. Со двора прибежали старшие братья с отцом и, с трудом разобрав, что говорит Федора, побежали искать Якова. Нашли, наорали на него, притянули к себе в дом, хотя он возмутился и упирался.

Дома попробовали Якова в подпечье засунуть – поместится или нет. А у того ни голова, ни зад туда не входят. Поняла моя родня, что это был домовый, принявший облик соседа.

Федора потом долго не могла в себя прийти. И на всю оставшуюся жизнь запомнила, что бить животных – большой грех, и хоть кошек не любила – больше ни разу их не трогала.

Когда она нам, внукам, рассказала про этот случай, мы посмеялись – не поверили. Знали, что такого не бывает, что ни домовых, ни ведьм, ни чертей нет. А бабушка неграмотная – ведь в школе-то она не училась.

А теперь вот я верю...

Ведь если голодную кошку бьют по голове – должен же кто-то за нее заступиться. Вот домовый и вылез из подпечья.

Р. А. Бруева, г. Петрозаводск

Это было давно, лет пятнадцать назад, повстречался я с Пушкиным в бане...

В 1981 году срубил я себе русскую баню – уже будучи женатым. И что мне в голову стукнуло идти в баню гадать – до сих пор не пойму.

Судьба-то ведь у меня уже вся сгадана была, но, поди ты, – моча в голову ударила.

Баня-то еще не до конца была сделана – косяки вставлены, а дверей не было. И вот около ноля часов встал я с кровати, вышел из дома потихонечку, лыжи надел и пошел в баню. До бани метров 30 от нашего дома, а тропы-то тогда зимой не было.

Ну, приехал я в баню на лыжах, сел на скамейку поудобнее и стал вызывать дух Александра Сергеевича Пушкина. Как вызывать по-настоящему, я не знал, говорят, блюдец надо какое-то крутить. А я сидел и вызывал, как умел.

Ну, вот, сижу пять минут, Пушкина вызываю, десять минут вызываю. Вдруг как налетел на меня какой-то вихрь, даже шапку с головы содрал. Как будто палкой кто шапку в головы сшиб. У меня волосы дыбом встали. Я быстро на улицу, да быстро – к дому, даже одну лыжу по дороге потерял.

Заскочил домой – и все двери на крючки! Жена и теща проснулись, они ведь не знали, что я в баню ходил, Пушкина вызывал.

Не успел я объяснить им, в чем дело, вдруг кто-то снаружи по стене к-а-а-к даст! Да так, что весь дом ходуном заходил, и часы на стене остановились. И раз, и другой, и третий! Тогда ведь о Боге еще не вспоминали, а жена моя так напугалась, что креститься начала.

Потом все стихло. До утра мы не спали. Когда светло на улице стало, пошел я в баню. Шапка моя в противоположном углу лежала от того места, где я сидел, вся обледеневшая.

Вот так я погадал. С той поры, как Святки наступают, жена у меня не засыпает раньше моего. Бойтся, что я опять гадать в баню пойду.

А у меня сейчас опять новая баня, без полов и без потолков только, да без печки – та-то банька уж выгнила.

А.Г. Бахарев, г. Няндомы

Ходит леший по опушкам, дурит головы девчускам

Был я как-то летом в родной деревне Рыжково, что стоит на высоком берегу Кенозера. Здесь немногим более десятка домов, жители – все люди в возрасте, и только в летнее время наезжают сюда городские родственники с детьми. И жизнь в деревне для всех становится веселее.

В те дни стояла сенокосная пора, дни были жаркие, и по вечерам дети и взрослые сидели на скамеечках под окнами, отдыхали от дневных забот, вели разные разговоры. К нам на беседу в тот вечер заглянула родственница Тася. Поговорили о том о сем и как-то незаметно, не к ночи будет сказано, вспомнили про нечистую силу. Мои внуки и местные мальчишки, сидевшие тут же на завалинке, сразу же насторожились, прислушались к разговору старших. Но и нам, взрослым горожанам, было любопытно услышать о проделках и кознях лешего, ибо встречи местных жителей с ним на Кенозерье, как говорится, имели место. И вот я хочу предложить несколько рассказов, услышанных от кенозерки Таусии Федоровны Прокопьевой.

Заплутали в трех соснах

Мама моя еще была жива и в силах. Пошли мы с сестрой Лидкой за клюквой на болото. Забрались в самый конец, за перелеском увидели свою маму; мы и не знали, что она тоже по ягоды ушла. Подошли к ней, а она ни с того ни с сего и говорит:

– Какого лешего сюда пришли? Мою клюкву брать? Я тут собираю, убирайтесь отсюда!

Мы глядим: ягод у нее немного, да и мелкие. Ладно, уйдем, места в лесу всем хватит. Перешли еще один перелесок. Вдруг небо потемнело, ветер хлестанул с мелким дождичком.

Забрели в какую-то чащобу: малинник – выше головы, папоротник – выше головы, под ногами – ямы да кочки, ноги сломать можно.

И по этой чащобе не идем, а ползем. В одну сторону двинемся – нет выхода, в другую – тоже сплошные заросли. Не знаем, что делать, хоть плачь!

Еще и распорили с сестрой: куда идти? Мне кажется – в одну сторону, ей – в другую. Вот сидим на кочках и спорим. Тут я вспомнила мамин рассказ, как она блудила и только после переодевания из леса вышла.

– Лидка, – говорю, – давай переодеваться!

Сняли мы с сестрой платье, вывернули их на левую сторону, снова оделись. Вот не поверите, а все так и было: глядим и глазам своим не верим – в трех метрах от нас старая дорога, заросли папоротника и малинника пропали, как их и не бывало.

Ой, как мы обрадовались, плюнули на все ягоды и домой по дороге пошли. А ведь водил нас лесовой, если бы не переодевание, один Бог знает, чем бы закончилось наше хождение за клюквой в ту осень.

А я с дедушкой была

Случилось это в Иванов день, ведь у нас в Рыжково это самый большой праздник. Народ со всех деревень собирается, все Кенозеро в гости приезжает.

...Все пляшут у тети-Маниной избы, вот в кадриль пошли. И дети маленькие тут же под ногами путаются, мешают. А сестре моей Надьке тогда было четыре годика. Вот и она в эту пляску сунулась. Там наша мама тоже кадриль ходила. И закричала на Надьку: мол, поди ты, девка, отсюда, отойди подальше, а то стопчем, дай кадриль-то сплясать! После кадрили-то – хватать, а Надьки нигде нету. Стали искать – дома нет, в деревне – тоже нет.

Обегали все берега: на хорошее-то не подумается, когда девка потерялась. Искали часа два, потом мама побежала к тете Дуне. Пошла тетя Дуня за деревню, поворожила. Вернулась и говорит маме:

– Подите домой и не ищите. Сегодня же сама найдется ваша детка.

Уже ближе к ночи другая моя сестра Машка пошла по деревне. А она, наша потеряха, стоит у угла дома тети Дуни, стоит и улыбается.

Рассказывала потом:

– Я все время тут стояла, вы меня не видели. А я видела, как вы меня искали. Стояла я с дедушкой бородастым. Он меня за ручку держал...

Мама после этого и говорит:

– Будет больше по кадрилям ходить, да девку куда-то отправлять! Закрыта она была от всех крещеных. Хорошо, что успели поворожиться, а то бы увел лешак Надьку в лес, и сгинула бы она там, как иголка в стогу, – не сыскать бы.

Догадлива ты, девка!

Моя мама была со своей подругой на сенокосе, в лесу. И вот надумалось подруге сходить домой. После полудня они пограбили сена, и та отправилась по тропинке в деревню. Дошла до ручья и вздумала напиться. Прильнула к воде губами и вдруг почувствовала, что кто-то на нее глядит. Обернулась: позади стоит старик в армячишке, подпоясанном красным кушаком. В руках суковатая палка. Девка-то сразу в старике признала своего родного дядю Степу. Говорит ему:

– Дядя Степа, ты-то откуда тут?

А он ей отвечает:

– Я тута осоку кошу. Пойдем, девка, со мной.

Она и подчинилась. Идут они непонятно в каком направлении, подошли к незнакомому озеру. Вода в нем черная, ни лапуг¹, ни зеленой травы в ней не растет. Старик выломал вицу и стал подругу мамину хлыстать, приговаривая:

– Бреди в воду!

Девка в слезы: боюсь, мол, утону. Старик сам вошел в озеро и кричит:

– Бреди за мной, я впереди пойду!

И вот пошли они вместе, а озеро-то им по колено. Перешли на другой берег. Тут только девка-то додула, что никакой не дядя ее ведет, а сам лесовой, лешак, в общем. Тут она быстро стала креститься и молитву читать. В то время в деревне все были крещеные и молитвы с малых лет знали. Так вот, когда она начала молиться, поднялся в лесу ураган, деревья стали падать, грохот такой начался, что страшно это даже представить. А старик повернулся к маминной подруге и с хохотом говорит:

– Догадлива ты, девка, догадлива. Не дядя Степа я, не дядя твой. Ладно, прощай!

И сгинул старик в лесу. А тут и ветер стих. Тишина наступила. Девка немного поплутала и на свою тропинку вышла. Так домой потом всю дорогу бегом бежала.

...Поздним вечером, когда солнце скрылось за кромкой леса и озеро Кено заиграло всеми красками радуги от небесного цвета, мы сели пить чай. Мои внуки, наслушавшись Тасиных рассказов, присмирели, не шалили, как обычно, а потом быстро улеглись спать. Впечатления о проделках лешаков для них были так же реальны, как двойка по математике в классном журнале.

¹ Лапуга – морские растения. – Здесь и далее прим. ред.

Владимир Марков, Архангельская область, Плесецкий район, Кенозеро

Еще раз про Шулькина

Там чудеса, там леший бродит...

Я еще девкой молодой была, мы на лесохимии работали, еловую серу собирали по просекам да по визиркам, где на елках раньше затеси делались. На затесях этих сера комками висела, вот мы ее и собирали.

Ну, а тут как-то пасмурная погода была, дождик накрапывал. Девки да парни, что повзрослее, остались в бараке, а мы, подростки, пошли ягоды собирать. Сами досыта наелись и в барак принесли.

После обеда дождик кончился, надо опять идти за серой, а меж нами не оказалось паренька по имени Ваня – он отстал где-то в лесу, пока мы ягодничали. Пошли мы его кричать по лесу – не откликается. Вечером уже темнеть стало, опять искали, из ружья стреляли – ничего. На другой день вместо серы пошли Ваню искать – не нашли.

На третий день всю ближайшую деревню на ноги подняли, все с утра в лес снарядились – не нашли парня. А на четвертый день – воскресенье было – мать его в церковь поехала, молебен заказала. И Ваню нашли в деревне Нишма, на той стороне реки Нишмы. А мы-то все были на этой стороне. И река была довольно широкая и глубокая, вброд ее никак не перейти. А Ваня плавать не умел. И он не помнит, как оказался на другой стороне реки.

Когда Ваню нашли, он рассказывал, что его водил дедушка какой-то седой, и не по лесу, а по гладенькой дорожке все. А между прочим, от нас и до того места, где Ваню нашли, – одни кочки да болота на двадцать верст.

А ночевали они с дедушкой, как рассказывал Ваня, в овине, где сушились снопы. Кормил его дедушка очень вкусными белыми лепешками. И с собой еще Ване лепешек дал. И тут Ваня достал из карманов вместо лепешек белый мох.

Так вот этот дедушка и был леший-лесовик. Неизвестно, куда бы он увел парня, кабы мать его не отмолила. Леший – он ведь сам кем хошь может прикинуться – и дедушкой, и мужиком волосатым, которого некоторые по недоразумению за снежного человека принимают. А снежный человек – это леший. И поймать его не могут потому, что он исчезать умеет. Вот только был – и нету его. Леший потому что, Шулькин...

Не путем и дорожкой увела нас эта кошка

И еще случай был, почти в то же самое время. Пошли мы как-то с подружками по рыжики – я, да Лидка, да Кристина. Только Крестину мать в лес не пускала, не хотела пускать. Ругалась-ругалась, а потому корзину ей бросила, говорит:

– Понеси вас леший!

Ну, мы обрадовались и бегом до самого леса неслись. Кристина-то была старше нас, мать ее и ругала, что она не со своей ровней ходит. А она водилась с нами потому, что мы ей тайные свидания устраивали с парнем, которого она любила.

Ну, вот, значит, зашли мы в лес, стали рыжики попадаться потихоньку. И вдруг видим – кошка черная. Сидит на пне и глядит на нас. Глаза такие большие, блестящие, зеленые.

Мы подумали, это кошка деревенская убежала от кого-нибудь. И решили поймать ее. И до того за ней добежали, что оказались в глухом лесу. Сидим мы на сваленном бурей дереве, а кошка – в десяти метрах от нас глазами зыркает. И вдруг пропала куда-то, как будто сквозь землю провалилась.

Крестя вдруг и говорит:

– Ой, неладно что-то, девки... Поглядите-ко – лес-то какой страшный. Я такого вжись и не видала. Завела нас эта кошка... Девки, вы молитвы знаете?

Мы с Лидкой заплакали. Вместе с Кристей кое-какие молитвы вспомнили – дело-то еще до войны было, родители наши еще Бога почитали. Прочитали мы вместе «Верую» да воскресную молитву и стали дорогу домой искать. И выбрались кое-как, в потемках домой пришли и без рыжиков.

Шулыкин – он Шулыкин и есть...

Мария Александровна Никитина, г. Архангельск

А за левым плечом сидят леший и черт

Мамины молитвы

Родилась я в деревне Шотова Гора Пинежского района Архангельской области в конце 1945 года. Нас, пятерых детишек, воспитывала одна мама. Родом она была из семьи верующих, и сама очень верила в Бога, у нее было много духовных книг.

Наша деревенская церковь, когда-то очень красивая, в то время стояла уже полуразрушенная (тогда в моде был атеизм), и набожные старушки со всей деревни на Рождество Христово и на Пасху собирались у нас в избе. Мама знала очень много молитв, она читала молитвы, соответствующие празднику, а старушки молились.

В переднем углу у нас были образа, перед образами всегда горела лампадка. Мама держала нас в строгости, не пускала на школьные вечера, из-за чего у нее были конфликты с учителями. Нам с сестрой мама не дала вступить в пионеры. Мама никогда не ругалась грубыми словами, никогда не называла людей по прозвищам, что было очень даже принято в деревне. Поэтому и мы знали всех наших деревенских взрослых только по имени-отчеству и здоровались с ними, что вызывало умиление у мужиков и баб.

А еще наша мама лечила молитвами людей. Вот один случай, который мне хорошо запомнился. Я тогда уже в седьмом классе училась.

Бабе что-то в рот попало – бесноватой баба стала

Наши деревенские бабы поехали зимой на лошадях за сеном в наволок (то есть на луг), и одной женщине что-то попало в рот. Она думала, это труха от сена, а выплюнуть не могла, проглотила. И через несколько дней заболела: ее всю стало ломать, она лишилась аппетита. Но самое странное было в том, что она начала говорить – непроизвольно! – всякие гадости про людей. Нехорошие слова как бы сами, помимо воли, вылетали у нее изо рта.

Женщина эта конюхом работала. Утром на конюшню много людей собиралось, и по утрам происходили эти ругательные «сеансы». Когда она ругалась – изо рта у нее шла пена, она не могла стоять, ей приходилось ложиться.

Знающие люди сказали, что в нее вселился бес. Несчастная пришла за помощью к маме и стала со слезами просить, чтобы мама исцелила ее.

Мама сказала, что колдовства никакого не знает, а беса изгнать можно только молитвами. Нужно, стоя на коленях, 33 раза читать молитву Честному Кресту (ее у нас называют воскресной молитвой) и 33 раза молитву святому мученику Киприяну (Киприянову молитву), она очень длинная.

Молитвы эти они читали с мамой каждый вечер, а чтобы не ошибиться, мама брала 33 спички и после каждой прочитанной молитвы клала одну спичку на стол. Во время моления с этой женщиной часто случались приступы: она падала на пол, ее трясло, как в лихорадке, руки куда-то выворачивались, рот перекашивался, и из него брызгами летела слюна. Я все это видела – очень страшное и неприятное зрелище.

Так прошло около месяца – мама с этой женщиной молились каждый вечер. И вдруг в соседней деревне у этой женщины умирает сестра (а маме она приходилась подругой детства), и они вместе отправились на похороны.

И вот во время поминок бесноватая (буду называть ее так) выпила водки, и началось невообразимое: у нее открылся рот, и из него полилось такое... Она закрывала рот ладонью, но это не помогало, какой-то голос изнутри ее рвался наружу (народу в избе было много):

– Ишь, какая хитрая, надумала нас выжить, пошла к Поладье (маму звали Пелагеей, а по деревне – Поладьей), молитвы там читают, молятся каждый вечер, уже девку убили и парню ножки опалили, а я, старуха, так просто не сдамся. А залетели мы к тебе, когда вы за сеном ездили. Мы на стогу сидели, вот вместе с трухой и залетели. А у Поладьи-то давно уже над воротами сидят старик со старухой, да она, хитрая, никогда не выходит из дому без креста и молитвы, и на всех дверях и воротах кресты у нее нарисованы.

Примерно так пересказывали речь этой женщины. Маме все это слышать было очень неприятно. Но никто не сказал ей ничего плохого, так как почти все знали, что она очень набожная. Наоборот, люди стали просить у нее молитвы. После этого случая мама с той женщиной стали молиться еще усерднее, и бесноватая исцелилась от своего недуга и прожила до 1987 года, умерла она от сердечной болезни...

Мы не «икотницы»

Я уехала из Пинежского района в Мурманскую область в 1979 году и каждое лето возила своих сыновей к маме в Шотову, пока жила она там. В 1983 году мама уехала из Шотовой, две зимы жила у нас, а потом – у старшей моей сестры. Умерла мама в 1990 году, в Подмосковье. Там она часто ходила в церковь, и отпевали ее в день Николая Чудотворца – 22 мая, после праздничной службы. Священник сказал, что мама слышала всю службу, потому что щеки у нее были розовые.

Мама моя была хорошим человеком, хотя всех пинежских женщин называют «икотницами», считают, что они все колдовки. Плохие люди, как и хорошие, есть везде. Мама всегда нас учила ходить с крестом и молитвой и не ругаться плохими словами. И мы это всегда помним и всегда исполняем. И я пишу вам несколько маминих молитв, то есть те, которые переняла у нее.

При выходе из дома

Прежде чем переступить порог, произнеси слова:

– Отрицаю тебя, сатана, гордыню твою и служение тебе, и сочетаюсь Тебе, Христе, во имя Отца и Сына и Святого Духа! Аминь!

И осени себя крестным знаменем, и никогда не выходи без этого изречения. Тогда не только встретившийся злой человек, но и сам дьявол не в состоянии будет навредить тебе.

Молитва перед началом всякого дела

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, Единородный, Безначального Твоего Отца. Ты реки еси пречистыми устами Твоими, яко без меня не можете творити ничтоже. Господи, мой Господи, верую обем в душе моей и сердце Тобою реченная, припадаю благодати Твоей: помоги мне, грешному, сие дело, мною начинаемое, Тебе самом совершити во дни Отца и Сына и Святого Духа. Молитвами Богородицы и всех Твоих святых. Аминь!

Сила Креста

Крестом рвутся все сети врагии, которые нас окружают. Нужно крестить крестом на восток, запад, юг и север, утром и вечером и во всех трудных обстоятельствах жизни: когда разгневаешься, испугаешься, поспоришь с кем-нибудь, плохой сон увидишь и т. д.

И читать во время крещения молитву:

– Крест Христов на весь мир освященный благодатию и кровию Господа нашего Иисуса Христа дан нам оружие на всех врагов наших видимых и невидимых во имя Отца и Сына и Святого Духа! Аминь!

А также кропить святой водой на все четыре стороны и говорить:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа окроплением воды сия священныя в бегство да претворится все лукавое, бесовское действо. Аминь!

Песнь Пресвятой Богородице

Когда бывают нечистые помыслы и желание грешить, или уныние, отчаяние, тоска, или другие искушения, то нужно говорить:

– Враже, предлежение твое – на главу твою. Божия Матерь, помоги мне!

Читать много раз Песнь Пресвятой Богородице: «Богородице Дево, радуйся, Благодатная Мария, Господь с Тобою, благословенна ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших».

После этого Господь ради молитв Божией Матери даст мир вашей душе.

Смех за левым плечом

Мама нас учила: когда бранитесь с кем-нибудь – никогда не произносите слова «леший» и «черт», они ведь всегда стоят за нашим левым плечом. Тем более не ругайте детей этими словами, не посылайте их ни к черту, ни к лешему. В деревнях, особенно у нас на Севере, принято говорить: «пошел к черту» или «к лешему». Они ведь только ждут этого удобного момента.

И еще. Когда идете по лесной или полевой дороге и захочется вам справить нужду – делайте всегда это на левой стороне дороги и всегда в том направлении, в котором идете. Нечистая сила у нас вся с левой стороны, и сплевывать и сморкаться надо тоже на левую сторону.

В северных лесах нечисти всякой водится – целая прорва. Вот один раз, когда у мамы в деревне гостили мои сыновья, шести и восьми лет, мама пошла на болото посмотреть, созрела ли морошка. И тут, как назло, пошел дождь, и туман на лес опустился. И мама заблудилась. Как потом уже рассказывала: куда ни пойдет – все обратно на то же место возвращается.

Мама уже отчаиваться начала, да вспомнила про внуков, что одни дома остались, села на колдобину, прочитала про себя все молитвы, которые на ум пришли, и побрела куда глаза глядят. А глаза глядели только под ноги, так как вокруг была пелена из дождя и тумана.

Мама шла-шла и вышла на узенькую тропочку, и тропочка эта на лесную дорогу ее привела. Мама говорит: «Иду и слышу с левой стороны дороги топот, свист, шум, смех. Обернусь – никого не видно и не слышно. Только пойду – опять то же самое».

Тогда начала мама читать вслух молитву Честному Кресту и молитву архангелу Михаилу и до самой деревни шла и читала эти молитвы.

Домой пришла в два часа ночи. Внуки, заплакавшись, одни, без бабушки, спали на печи. Старший проснулся, увидел бабушку и заплакал. И бабушка заплакала тоже. То есть мама моя...

Встреча с чертом

Во время войны мама работала в сельпо, принимала сухую картошку, днем ходила по деревням и принимала... А ночью сторожила пекарню в Карпогорах.

И вот как-то умаялась она за день – ходила в деревню Марына Гора за пять километров, да обратно – с картошкой, да дома обрядилась по хозяйству, корову обиходила. А к ночи пошла в Карпогоры – сторожить.

А ночи-то летом – белые. Мама идет, уставшая вся (а идти-то ведь шесть километров), и, подходя к Галичъему ручью (есть там у нас такой), подумала: «Вот бы подвез кто...»

И как только подумала – услышала за спиной конский топот. Оглянулась и видит: едет лошадь, запряженная в сани (хоть на улице и лето). Мама крикнула:

– Подвези!

– Садись! – крикнул ей мужик, стоящий на передках саней, и громко захохотал.

И вдруг мама увидела, что на санях нет ни одной доски, а мужик стоит на полозьях и хохочет во все горло. Внезапно все это видение исчезло, только издалека еще доносился хохот. Мама перекрестилась и стала читать молитвы.

Когда она пришла на пекарню и рассказала об этом случае женщинам, они сказали, что это был черт, и хорошо, что она к нему не села...

Еще один заговор

Да, чуть не забыла! Когда поранишь руку, или ногу, или еще какую часть тела, когда на гвозди наступишь, надо читать: «Как жидовья Господа Иисуса Христа распинали, алую кровь проливали. Он не боялся ни отети, ни опухоли, ни скорби, ни болезни, ни кровавых ран, не по костям: не по спаям, не по жилью. Аминь!»

Потом тот, кто читает это, должен помазать своей слюной больное место, поводить пальцем вокруг раны и завязать ее.

Всем счастья и здоровья! Храни всех Господь!

Варвара Никифоровна Савелкова, п/о Титан, Мурманская область, Кировский район

Отец знаткой и дочь знаткая, знать, судьба у них такая

«Знаткими» у нас на Севере называют людей видных, приметных, знающих, опытных – так еще В. А. Даль в своем словаре толковал. А в одной деревне на Северной Двине вспоминают истории, связанные с человеком, который прослыл знатким за то, что водился с темными силами и был, видимо, в этом нечистом деле действительно знающим и опытным.

Нет такой лошади, чтобы не спотыкалась

Рассказывают, этот знаткой терпеть не мог, когда к нему кто-нибудь относился без должного уважения или почтения. Мужик ли не поздоровается первым, или баба невзначай обронит не очень приятное ему слово – знаткой обязательно отомстит. Да так, что сразу и не сообразишь, откуда несчастье пришло.

Особой властью, видимо, этот человек обладал над животными и пользовался ею, чтобы проучить тех, кого он считал своими обидчиками.

У ничего не подозревающего хозяина однажды вечером после пастьбы корова отказывается заходить в хлев. Он к ней и с лаской, и с хворостиной – ничего не помогает. У другого крестьянина лошадь ушла за околицу и будто сгинула. Бегаёт он по опушке леса, слышит ржание, видит даже свежие следы копыт, а никак не может настигнуть беглянку.

В таких случаях всегда найдется доброхот, который подскажет бедолаге: пойди, мол, поклонись знаткому, повинись перед ним, может, и простит за обиду.

– Да ничем я его не задел, за что извиняться-то? – воскликнет пострадавший, но совету все-таки последует.

Действительно, чем черт не шутит, хоть и не думал человека обидеть, да вдруг что-нибудь ненароком не так сказал или сделал, тем более что знаткой за этим уже больно ревниво следит. И шел человек на поклон к знаткому, который любил, чтобы ему низко поклонились, принесли извинения и заверили в почтеннейшем к нему отношении.

Свадебный поезд выезжает нечетом

После этого неприятности проходили как бы сами собой, и люди опять забывали о том, что опасность козней знаткого подстерегает их тогда, когда не ждешь беды.

Как-то зимней порой мчался свадебный санный поезд из деревни в деревню.

А на пути – довольно глубокий овраг, который молодежь как раз собиралась лихо проскочить, чтобы ощутить сладость быстрой и опасной езды. Только выехали на склон, как видят – с противоположного спуска движется встречная санная повозка.

– Эй, мужик, – кричат, – уступи дорогу!

А тот словно не слышит, едет и едет себе.

На самой низкой точке оврага кони веселого поезда стали. Разгоряченные молодые люди, слегка разочарованные тем, что не удалось с ходу проскочить препятствие, все же с удовлетворением наблюдали, как встречный возок свернул с санного пути в сугроб и объезжал их стороной.

Тут они и разглядели вблизи лицо, как им тогда показалось, «побежденного» мужика. Темные его глаза остро сверкнули из-под густых, черных, сросшихся на переносице бровей.

Прокричав ему вслед озорные, как водится, слова, компания вознамерилась продолжить путь. Но не тут-то было.

Кони не двигались с места!

Кто-то из молодых людей, знавших встречного мужика, напомнил, что это не кто иной, как знаткой, и, видимо, придется идти к нему на поклон.

Легкомысленная молодежь не сразу приняла идею, но в конце концов отрядила к знатному делегацию, благо идти до деревни, где он жил, было не так далеко.

Знаткой принял гонцов благосклонно, и инцидент был исчерпан.

По беду, не по грибы

Знаткой давно умер, его внукам сейчас за семьдесят. Нечистое ремесло он, как утверждают, передал своей дочери. О ней тоже ходили в народе зловещие байки. Рассказывают, будто умерла она, в отличие от своего отца, не обычной смертью, а так, как погибают ведьмы, не избавившиеся перед кончиной от бесовской силы. Надо было, говорят, кому-нибудь передать колдовские способности, прежде чем уйти в мир иной, а она не захотела этого сделать.

В преклонном уже возрасте собралась она как-то в лес по грибы. Ушла с корзинкой в руках и не вернулась. Долго искали ее, а потом посчитали без вести пропавшей. Несколько лет спустя ее скелет обнаружили случайно не так уж далеко от деревни – сидит под деревом, а рядом корзинка, уже травой поросла.

Упомянутый овраг, по которому до сих пор проходит проселочная дорога, и до наших дней не утратил дурной славы. Жители окрестных деревень утверждают, что иногда, особенно если идешь через него в сумерках, появляется призрак всадника, облаченного в глухой темный плащ. Иной раз слышится звон колокольчиков, какие раньше прикреплялись к дугам конных упряжек. Верхом на лошади в здешних местах может появиться разве что местный запойный пастух, которого все знают, и только летом. А былой упряжи с колокольчиками давно уж ни у кого не водится.

В былые времена в здешней округе высились несколько православных храмов. С каждой колокольни, говорят, видно было звонницу соседней церкви, так что все освоенное людьми пространство находилось под сенью крестов. Не в тех ли людей, что разрушали построенное предками, переселились темные силы, одолевавшие несчастных знатких?

Юрий Львов

Нашу баню лед забарабанил

Дело это было не так уж и давно. Однажды в зимнюю пору купили мы с женой у соседа старенькую баню, уже заброшенную, построенную лет семьдесят назад.

Сразу же после покупки я ее капитально отремонтировал: заменил нижние венцы на новые, каменку переложил, пол перестелил – словом, что надо было, все сделал, привел баньку в полный порядок.

Истопили мы ее первый раз в субботу, душа прямо радовалась: и жару, и пару – того да другого было хоть отбавляй. Во вторую субботу мы тоже баньку истопили и тоже помылись хорошо. А ночью мороз ударил градусов под тридцать.

Утром мне жена Анна говорит:

– Иди-ко в баню, слей из котла да из ведер воду, а то разморозить их может, днища вышибет.

Захожу я в баню, открываю внутреннюю дверь из коридорчика, смотрю и глазам своим не верю: внутри бани воды на полу – сантиметров на сорок, наравне с порогом, а сверху – лед.

Я встал на этот лед внаклонку (потолок не позволял выпрямиться), стою и удивляюсь: откуда же за одну ночь столько воды нахлынуло и льдом ее забарабанило?

Побежал домой за строительным ломом, чтобы лед разломать да хотя бы ведра из-подо льда выручить – они ведь на полу остались стоять. Стоят ведра в углу и просвечивают сквозь толщу льда.

Прибежал я обратно домой, жене объясняю: дескать, нечистая сила к нам в баню воды накачала и заморозила. Она подумала, что я шучу. Пошла в баню, смеется, а мне не до смеху. Но жена зашла в баню, и у нее сразу смех пропал.

Я давай ломом лед разбивать. Первый раз стукнул ломом по льду напротив ведра, второй, третий, только на четвертый раз лом лед прошиб, угодил в ведро и днище у него продырявил. Пришлось мне в бане весь лед топором вытюкивать, а воду ведрами вытаскивать. И каменку пришлось ремонтировать.

Вскоре после этого зашла к нам на беседу односельчанка баба Анна Степановна в возрасте лет семидесяти. Я рассказал ей про «ледяное чудо». Она спрашивает:

– Когда первой-то раз в баню-то пошли, спросили у баенной хозяйюшки разрешения помыться?

– Нет, – говорю я.

– А надо было, – отвечает Степановна, – вот как шагнул первый раз через порог, надо было поклониться и сказать такие слова: «Хорошая хозяйюшка, пусти помыться в жаркую баенку всех наших деточек и взрослых. Не осуди нас, дай нам пару жаркого, исцели наши болезни». А уходя из бани, надо было поклониться и еще сказать: «Спасибо, хозяйюшка, за баенку».

Я, конечно, ни во что это не поверил. И решил, что дело совсем в другом. В семи метрах от самой бани протекает ручеек. Мог ведь этот ручеек в зимнее время прорвать под землей жилу, откуда струя хлынула и затопила баню? А вообще-то, черт его знает...

Рюрик Петрович Лонин, Республика Карелия, село Шелтозеро

Ходи под Богом, но не ступай в след лесового

По чащобам, без дорог девку лесовик волок

Еще в довоенные годы разносила почту по деревням одна девка. Нагрузит сумку газетами да письмами доверху и с раннего утречка до поздней ноченьки обходит все деревеньки, а расстояния-то между ними где три, а где и все пятнадцать километров. Одной из дальних была деревенька Глубокое. Дорога туда шла через темные чащобы да хлипкие болотины. Но молодая почтариха была не из боязливых: дрянные людишки в те времена по лесам не шастали, а нечистой силы девка не боялась – она ведь была комсомолкой-атеисточкой, хотя и крещеной сызмальства.

Вот понесла она однажды почту в Глубокое. И на каком-то гнилом месте оступилась в колдобину – а это был след лесового.

Только ногу-то вытащила из ямы, слышит хриплый голос:

– Иди за мной и никуда не сворачивай!

Огляделась девка вокруг – никого не видно. А ноженьки-то ее сами вперед побежали, да не по дороге, а прямо лесом, по кустам, по валежинам, по кочкам и лесным лягам.

Бежит она, изодрала все платье, обутка полная воды, пот с нее ручьем течет, а присесть, чтоб передохнуть, не может. Неведомая ей нечистая сила, будто на аркане, тащит за собой. Только тяжеленную свою почтовую сумку девка не бросила – уж очень она ответственная работница была. Да и потом – как объяснишь начальству потерю почты?

Остановись, крещеная, будешь прощенная

А в ту пору у лесного озера, расположенного вдоль глубокозерского тракта, на бережку варил уху дед Михаил, местный житель. Он здесь уже целую неделю рыбачил да морошку собирал. Жил в избушке, стоявшей на маленьком пригорке, над озерком. Видит старик: бежит вдоль берега девка, бьется о кусты да сушины (сумка на боку болтается), того и гляди, в воду брякнется и утонет. Привстал дед Миша и кричит ей:

– Остановись, крещеная! Что с тобой? Какая нечистая сила за тобой гонится?

А был он человек глубоко верующий и стал ее крестить да еще какую-то молитву про себя читать. Тут почтариха сразу и остановилась, ноги подкосились, она прямо в болотину и села.

Принес старик девку к костру, чаем сладким напоил. Потом она и ушки похлебала, и рыбки свежей поела – в себя пришла. Рассказала, какая беда с ней по дороге приключилась.

– Эх, девка! Попала ты своей ногой в след лесового. Вот и повел тебя леший по своей дорожке, и увел бы – косточек не сыскать! Да, видно, Господь Бог послал меня тебе на выручку. Теперь ты ничего не бойся. Забирай свою сумку и иди с Богом. Да перед дорогой перекрестись. Молись почаще – и никакая нечистая сила тебя не осилит.

И действительно, после того случая с почтарихой ничего худого не было.

Также работала, разносила почту и, наверное, добрым словом вспоминала всегда деда Мишу, своего спасителя, и молилась ежедневно Творцу.

И деду Мише за храбрость тоже от черта досталось

А дед Миша, проводив гостя, поставил к ночи сети на озеро. Снял с рогаток несколько щукарей, вычистил их, засолил. Попил чайку и было уже собрался в избушку, на отдых. Вдруг, откуда ни возьмись, зашумела тайга, поднялся ветер, озеро аж вскипело, как котел. Деду Мише

отчего-то стало страшновато, и тут он увидел перед собой великана – ростом с хорошую лесину. Одет этот пришелец был в полувоенную форму с золотыми пуговицами. Несомненно, это явился сам лесовой. Он глядел прямо в глаза старика и внезапно по-военному гаркнул:

– Смотри на меня! Не отворачивайся!

Дед Миша был неглупым мужиком: в этой чертовой фразе он сумел узреть свое спасение. Отвернувшись от лесового, он бегом проскочил в свою избушку, где под нарами тряслась от страха его верная собачонка Венка. Запершись на старый крюк, прикрыв окошечко доской, под вой бури просидел взаперти старик всю ночь, моля Бога и уповая на милосердие Господне за свои грехи.

Утром буря кончилась. Старик вышел на улицу. Ярко светило летнее солнце, зеркальная гладь озера чуть-чуть подрагивала. Вокруг валялось много сваленных деревьев. Но на крыше стариковской избушки не было ни веток, ни стволов, никаких палок, как будто ее только что вымели хорошей метлой...

Вот такая история произошла в кенозерском лесу в давние времена.

Владимир Марков, Кенозеро – Архангельск

И в трудный час навестила мама нас

Родилась я в 1938 году, в августе. Жили мы тогда в Харькове. А ровно через месяц у меня умерла мама. Осталось нас пятеро детей на руках больного отца (его даже на войну из-за болезни не взяли). Но в 1946 году отца мобилизовали на какие-то работы. И полгода мы жили без папы.

С утра шли в школу, а вечером собирали и пилили дрова, варили скудную еду, ужинали, запирали двери и ложились спать, два брата на одну кровать, а сестры – на другую. Старший брат Михаил брал с собой в спальню топор – на всякий случай.

И вот однажды улеглись мы спать – еще никто не уснул. Вдруг открылась дверь в комнату и вошла незнакомая женщина, в руках ее была тарелка с ложками. Она положила тарелку на стол под иконы и стала смотреть на меня. Брат вытащил из-под кровати топор, но его остановила одна из сестер:

– Миша, опомнись! Это наша мама пришла, чтобы посмотреть на Веру.

То есть на меня, младшенькую. От взгляда незнакомки мне стало тепло и спокойно, первоначальный испуг прошел, меня клонило в сон, и я моментально уснула.

Утром мы всей семьей обсуждали ночное происшествие (ушла женщина из дома сразу же, как меня одолел сон). Старшие решили, что надо сходить к батюшке и все ему рассказать. Что и было сделано. Священник сказал то же самое, что и предполагала сестра: это приходила наша покойная мама. И вот этот ее приход все мы, братья и сестры, запомнили на всю жизнь.

И жили мы все последующие годы дружно, всячески помогали отцу, заботились о нем и друг о друге. Ходили в церковь, старались не нарушать Божьи заповеди. И никто из нас не ругался по-матерному, не стал пьяницей или злым человеком. И я каждый год езжу в Харьков, хожу на кладбище, чтобы помянуть своих близких, кого уж нет с нами.

Вера Михайловна Алексеева

Водки шкалик пожалела и в канаву улетела

На кладбище у нас принято ходить накануне Троицы в родительскую субботу. Вот в такой день по пути с кладбища зашла сноха к своей золовушке и принялась вовсю мужика своего ругать:

– Вот ведь, дьявол, опять драться стал. Не дала ему сегодня выпить, так он меня в канаву с водой спихнул, – и показывает рукой на мокрый подол платья, сырые сапоги с ног стаскивая.

Золовка понять ничего не может: брата уже лет пятнадцать в живых нету, а жена о нем как о живом говорит. Промолчала, а про себя решила, что у гостьи не все в порядке с головой и, наверное, тоже долго не наживет.

А сноха дальше рассказывает:

– Я раньше, как пойду на кладбище в этот день, завсегда с собой шкалик водки прихватчу. Сама-то не пью, а мужу полный стопарик поставлю к пирамидке, да тем, кто на могилку заглянет из соседей, – тоже поднесу. А в этот раз не взяла. Что-то вспомнилось, как при жизни пил да гулял, а потом еще и меня гонял – бедно² за него стало, вот и не взяла шкалика. Чаю ему одного в стопку-то налила и сама с ним почаевичала...

А домой-то пошла и у дороги только стала канаву по сходенкам переходить – он меня возьми и толкни прямо в воду. Он это, он меня в борозду уронил. Разобиделся, что единственный раз в году я ему выпить не дала, поскупилась. Придется завтра снова идти да налить ради праздника. Сегодня-то уже опоздала: вишь, время – обед...

Владимир Фокин, с. Верхняя Тойма Архангельской области

² Обидно.

Про нечистого духа

В деревне редкий человек не имеет прозвища. Был у нас мужичок, который, когда надо было выругаться, всегда говорил: «Ух, нечистой дух!» Ну, конечно, его так и прозвали – Нечистый Дух. Мужик привык к такому прозвищу и не обижался.

А случай этот произошел в 1944 году. Моя сестра возвращалась домой из райцентра. Шла пешком по лесной дороге. Вдруг увидела, как впереди навстречу ей вышел из леса мужчина, испугалась. А тот ждет ее, чтобы вместе дальше идти.

Потом незнакомец крикнул моей сестре:

– Чего стоишь? Иди, не бойся меня. Я – Нечистой Дух!

Ну, тут у сестры моей и ноженьки подкосились (было ей лет семнадцать). Потом мужик, видимо, сообразил, что девка-то его не знает, а такими словами он ее вверг еще в больший страх. Стал он ей поскорее объяснять, что местный он, что зовут его Петр Васильевич, а назвался нечистым потому, что прозвище у него такое нехорошее. Слава Богу, разобрались.

А сестренка моя потом долго без смеха не могла этот случай вспоминать.

А. Филинская, д. Погост, Нюксенский район, Вологодская область

А это папа приходил...

Как сейчас помню, это было в войну. Отец воевал на фронте, а мы – мама и я с братишкой, маленькие еще, – жили в деревне. Интересный и пугающий случай произошел с нами в крещенские морозы.

Наша изба внутри была поделена перегородкой пополам – как бы на переднюю часть и на спальню. В перегородке была дверь – из передней в спальню. Эту дверь мы на ночь на крючок не закрывали, потому что на крючок запиралась дверь из избы. Мама у нас всегда спала с краю, а мы с братом – у стены.

И вот один раз ночью мама нас будит и говорит, испуганная вся:

– В передней за перегородкой кто-то ходит.

Да и мы слышали за перегородкой (она ведь тонкая) четкие шаги человека. По обуви понятно было, что человек в сапогах – каблуки по полу стучали. Наверное, минут пять человек ходил за перегородкой, а потом хлопнул дверью в избу.

Мы немножко подождали, встали, мама лампу зажгла. Вышли все в переднюю, там никого нету, а двери плотно закрыты на крючок.

До утра мы в ту ночь не спали.

А через несколько дней получили известие, что наш папа скончался в госпитале от тяжелых ранений. Было это в 1943 году...

Виталий Кузьмич Потапов, Красноборский район Архангельской области

Гадание от петуха

Было мне пятнадцать лет. И были у меня подружки, Люся да Надя. Помню, пришли они к нам на Рождество и давай просить мою бабушку – покажи да покажи, как раньше гадали.

Она сначала отнекивалась, потом согласилась.

– Несите, – говорит, – петуха из хлева.

Мы сходили в хлев, принесли петуха. Бабушка дала нам по горсти овса, мы, каждая, свою горсть около себя на пол высыпали.

Ну, а время-то полночь, петуху спать пора, он есть не хочет.

Но бабушка говорит:

– Смотрите, к которой кучке петух раньше подойдет – та из вас раньше замуж и выйдет.

Петух походил-походил по избе и к моей кучке подошел. Подошел да и клюнул два раза. А потом Надину кучку тоже клюнул. Потом еще раз – мою. А к Люськиной совсем не подошел. И все, в угол забрался.

Вот бабушка и говорит:

– Ты, Раиса (Раиса – это я), два раза замуж выйдешь, Надежда – один, а Люся старой девой останется.

Так и вышло все. И когда я выскочила замуж второй раз, Люся мне писать перестала. Обиделась, наверное.

Я думаю: если бы мы тогда не гадали, то, может быть, до сих пор бы дружили.

Вот как народные приметы сбываются.

А замуж я и правда первая вышла...

Р. Ф., Онежский район

Ходил и уговаривал покойный муж жену

То, что я хочу рассказать, не выдумка. Случилась эта история с моей хорошей знакомой, Валентиной. Тридцать лет ей было, когда она вышла замуж.

Молодые очень полюбили друг друга, но счастье у них длилось недолго. Муж Валентины погиб (несчастный случай на работе).

Эту беду женщина переживала очень тяжело, ежедневно плакала, отчего вся почернела и поседела. Но ничего сделать с собой не могла. И тут к ней каждую ночь стал являться во сне покойный муж. Он ее успокаивал, лаская, говорил, что все будет хорошо, не надо больше плакать, он строит дом и скоро ее заберет к себе. Просыпалась Валентина с легкостью в теле. А день ей приносил только одни огорчения: пропадал аппетит, ничего не хотелось делать, не хотелось жить. Ждала только вечера, чтобы уснуть и снова встретиться со своим любимым.

Родные забеспокоились, видя тяжелое состояние вдовы. Стали ее расспрашивать. Она им рассказала о своих снах. В одном из последних сновидений муж настойчиво просил ее не выходить замуж. Родные в срочном порядке нашли Валентине жениха, а ей прямо сказали, что если она не выйдет замуж, то умрет. Валентина им подчинилась.

Перед свадьбой ей опять приснился сон: сидит муж в грузовой машине, там полно людей, и обращается он к своей бывшей жене:

– Говорил я тебе, не выходи замуж, ты не послушалась. Теперь пеняй на себя.

И уехал. И с той ночи перестал сниться Валентине.

С новым мужем жизнь не наладилась. Оказался он пьяницей и дебоширом. Сейчас своим утешением избрала Валентина Бога, каждую неделю посещает храм Божий, молится, очищает душу. Тем и живет.

Вера Дулова, г. Котлас Архангельской области

Бабушкина примета

Когда я была молодая, мы жили в деревне. Один раз мы поехали с мамой на реку белье толочь. У нас зимой белье в проруби не полоскали, а делали в снегу яму, смачивали белье в проруби, клали его в эту яму и толкли деревянной лопаточкой.

Привезли мы белье на берег, мама для себя яму сделала в снегу, начала белье толочь.

А мне хоть тогда двенадцать годов было, я тоже решила сделать в снегу яму. Да, видно, набрела на то место, где под снегом да подо льдом ключ бил. Только ногами топнула – и провалилась. Мама глядит – у меня из снега только головушка торчит.

А тут рядом еще одна женщина белье толкла. Они вытащили меня, мама говорит:

– Бежи вон к бабушке, сушись.

А бабушка у нас жила рядышком с рекой. Она раздела меня, на печку положила, ноги мне растерла. А потом и говорит:

– Ну, девка, за своего деревенского парня замуж выйдешь.

Я спрашиваю:

– А почему?

Она:

– Если в ключевой воде искупалась, значит, за своего выйдешь.

Так оно и получилось.

У меня одна сестра вышла замуж за украинца, вторая – за казаха. А я – за своего. Вот как приметы сбываются!

Г.В. Замыслова, г. Северодвинск

Бабушке домовой приказал идти домой

Эта история случилась с моей бабушкой. После банного дня она в полночь затеяла стирку в бане. Дедушка лег спать. И вот стиральная машина гудит, в это время открывается со скрипом дверь в баню.

Бабушка очень удивилась: дверь-то была пригнана плотно к порогу.

Через некоторое время опять дверь распахнулась. И так – три раза подряд.

Бабушка всполошилась и подумала, что неладно что-то дома с больным дедом (он тогда недомогал). Пришла домой, а дедушки нет в постели. Нашла она его в кладовке, полураздетого, лежащим на полу. От холода он весь посинел, еще б немного – и замерз (дело-то было зимой).

Бабушка взвалила деда на плечи и принесла в избу, напоила его горячим чаем. И, как она потом рассказывала, это домовый предупредил ее в бане о беде с дедушкой. А вообще-то домовый часто не давал бабушке спать, бегал по чердаку, скрипел половицами.

Она даже слыхала его голос: «Иди из дому!» – на что всегда отвечала: «Не пойду!»
Поверьте, все это было на самом деле...

Анна Козицина, Ленский район Архангельской области

Пошла Варя в баню мыться, слышит: кто-то в дверь стучится

Зять – нечего с него взять

Дочка моя, Варька, рано замуж выскочила. Парень у нее еще до армии был, местный, но мне он не нравился: больно уж озорной. Поженились, а лад не берет. Ревнивый был.

Варька киномехаником работала, клуб в другой деревне, за пять километров. Работа вечерняя, приходила домой поздно, зятю не нравилось. Караулил он ее под горой, когда домой шла. Интересно ему было, с кем молодая жена с работы идет.

Жили они недолго: скоро зятя в армию забрали. Письма писал оттуда, но Варя им не радовалась и отвечала не сразу.

Мне ее очень жалко было: плохой муж у моей дочери! И решила я на тайное дело: сделать так, чтобы забыла она мужа...

И старик все сделал вмиг

У нас на краю деревни один старичок был, все его за колдуна почитали. Я и пришла к нему со своей бедой. Он выслушал меня и сказал:

– Истопи баню. Отправь дочку одну мыться. Когда она придет из бани – ничего не спрашивай, пусть молча ложится спать.

Я так и сделала. Истопила баню. Варя ушла мыться одна. Вернулась быстрее обычного, какая-то испуганная, как говорят, «не в себе». Чай даже пить не стала, ушла в свою комнату и легла спать.

Еще несколько дней проходила задумчивая. А потом мне рассказала:

– Моюсь я в бане, вдруг – стук в дверь! Я думала, ты пришла меня проведать, спину помыть. Я вышла голая в предбанник, открыла дверь, а передо мной стоит... муженек мой! Да как захохочет не по-хорошему! А ведь он же в армии! Я скорее дверь на крючок закрыла, домылась кое-как, оделась и – домой!

Потом я стала замечать: получит Варя от мужа письмо, прочтет и разорвет его в клочья. А потом и читать не стала, рвала сразу и все...

Павел все дело исправил

А на ту пору приехал в отпуск местный парень, Павлом его звали. Он жил и работал в большом городе, а с Варей вместе в школе учился, знакомы они были очень хорошо. Стал он ее с работы провожать. А я и рада! Вот бы такого мужа дочери – обходительный, уважительный, не пьет, не курит, на хорошей работе служит.

А тут слух прошел: Варин муж на побывку едет! Мы все сидим дома: я, Павел и Варя. А зятек-то идет! Павел встал из-за стола и говорит: вы никто, дескать, не ходите за мной. И ушел из избы. Спустился с крыльца и спокойно пошел навстречу Варькиному мужу. Оба повернулись и от дома пошли. Мы подумали – драться!

Но никакой драки и не было, все обошлось спокойно. Павел вернулся один. Мы ничего у него не спрашивали. Вскоре отпуск у Павла кончился, и он увез Варю в большой город, где они теперь и живут. Семейные, двух детей имеют. Живут хорошо, вот фотокарточку послали. Гляжу на них и радуюсь, что все так хорошо вышло...

Рассказ деревенской жительницы бабы Фени записала Т. Ф. Зуева, г. Каргополь, Архангельская область

Наяву, во сне ли было... Я со свекром говорила

Было это много лет назад. Мы с мужем только что поженились и поехали погостить к его матери в Украину.

Свекровь встретила нас хорошо и все горевала, что не дожил ее муж до женитьбы сына, не увидел, какую славную дивчину привел он в дом. Свою спальню с удобной мягкой постелью свекровь нам уступила.

На рассвете Сережа ушел на рыбалку, а я утренние сны досмотреть решила. И вдруг дверь открывается, а на пороге... мужчина. Седой, почтенный, свекровинового возраста. Неслышно подошел к моей постели и несколько минут пристально смотрел мне в лицо. А потом так же неслышно вышел. Я и испугаться не успела.

За руку себя ушипнула. Нет, не сплю. Подумала, что к свекрови кавалер втихомолку ходит. Дело-то вдове такое. Хорошо хоть, что вместо нее ко мне приставать не начал.

Спросила ее потихоньку. Она отнекивалась, а как я мужичка-то ей описала, испугалась, побелела даже.

Из соседней комнаты принесла фото в траурной рамке.

– Он? – спрашивает.

А на фото-то аккурат тот самый мужчина... Ее покойный супруг, отец моего Сережи. Выходит, что свекор покойный приходил... познакомиться с невесткой.

Помянули мы его, в храме панихиду заказали, комнату освятили.

И тем не менее я еще раз покойничка увидела. Снова на рассвете, когда Сережа рядом со мной спал безмятежно. И не испугалась, а спокойно сказала:

– Вот и вы познакомились со мной. Царство вам Небесное, вечный покой. А я буду любить и беречь вашего сына.

Улыбнулся он светло и радостно. И исчез. Больше я его не видала. Да и, тьфу-тьфу, других призраков тоже, ведь я вроде женщина нормальная, в Бога верю, в церковь хожу, чертовщиной не занимаюсь. И с Сережей мы живем дружно.

Вера А., г. Северодвинск

Вещие сны

Многие люди считают, что в сновидениях отражаются наши повседневные думы и заботы. Мне кажется, что это не совсем так. Во сне иногда увидишь такое, о чем до этого и не думалось. Мне было тринадцать лет, когда я видела сон, который помню на протяжении всей своей жизни.

На ночь глядя явился дядя

А происходило это во время войны. Отец мой к тому времени уже умер (он прожил всего 27 лет, Царство ему Небесное), мы жили с мамой вдвоем. В 1943 году от туберкулеза умер и старший брат отца, дядя Ермолай. Он мне приходился также крестным, по его настоянию мне дали имя Елизавета – в честь его любимой девушки, которая умерла в ранней молодости.

Хоронили Ермолая в мае, было много народу, я с подругами ехала на подводе позади похоронной процессии. Но бабушка – мать моего отца и крестного – проститься с покойником мне не разрешила, видимо, забоясь о том, чтобы я не заразилась туберкулезом.

Вернулась я домой и к вечеру почувствовала, что меня одолевает страх. Боюсь чего-то, и все. Ложусь спать, а мне кажется, что сбоку от меня какая-то странная доска. И так несколько вечеров подряд.

Маме я об этом не сказала, но стала ложиться спать пораньше, чтобы заснуть, пока мама ходит по дому и не гасит свет. Я спала на полу у печки. И вот однажды уснула я и вижу себя сидящей на своей постельке. А из переднего угла, где у нас висели иконы, будто бы выходит мой крестный Ермолай. Подходит ко мне и говорит:

– Лиза, давай с тобой простимся.

Нагнулся ко мне и поцеловал, и все. С тех пор вечерние страхи покинули меня навсегда.

Горестную «телеграмму» принесли мне дамы

В 1992 году привиделся мне поистине вещий сон. Будто бы подходят ко мне две женщины – одна пожилая, другая молодая, красивая, со стрижкой на голове. Красавица смотрит на меня так, словно решает про себя, можно ли мне что-то сказать.

Но тут пожилая женщина говорит:

– У вас случилась беда. Ваш сын погибает.

Тут мне грудь словно огнем обожгло. Я проснулась от сильной боли в сердце. И на самом деле: в том году смерть отняла у меня тридцатисемилетнего сына. И я осталась с трехлетней внучкой и восьмидесятидвухлетней мамой. Может быть, благодаря этому обстоятельству я сама не умерла от горя.

Елизавета Калашиникова

Чьи там кости на погосте?

Этот случай произошел у нас давным-давно, про него рассказала еще моей маме моя бабушка.

У бабушки (она была тогда молодая) в деревне жил брат. Все поговаривал он, что жениться собирается, но невесту его никто не видел. Брат работал сторожем в школе – ночью ее сторожил.

И вот как-то ночью школа сгорела, сгорела вся подчистую. Вместе с ней сгорел и сторож. Какие косточки на месте пожара нашли – те в гроб и положили. Погрузили гроб на телегу, мать сторожа (моя прабабушка) запричитала:

– Отправляю тебя, сыночек, в последний путь...

А лошадь с места не может стронуться. Стронулась только тогда, когда старушки молитву запели. Похоронили сторожа.

На следующий день, по обычаю, на кладбище пошли – поминать, а могилка-то раздвоилась вдоль, как будто не один холмик, а два сделалось.

Поправили могилку, помянули покойничка.

И в этот день по деревне слух пошел, что в соседнем селе девка молодая пропала, уже четвертый день ищут, найти не могут.

Тут моя прабабушка креститься стала, знаю, мол, где эта девица: мой сын жениться собирался, и лошадь не пошла, и могилка надвое разделилась.

Все это неспроста!

На десятый день пошли на кладбище – там опять холмик на могилке раздвоился. Прабабушка не позволила его сравнивать – пускай так стоит.

Тайна так тайной и осталась, но люди говорили, что девица из соседней деревни сгорела вместе со школьным сторожем...

Н. А. Кивечкина, Кемский район, Республика Карелия

Кто хозяин в доме?

События, изложенные ниже, реально произошли несколько лет назад.

Это было в одном деревенском доме, построенном более семидесяти лет назад. Жители этого дома неоднократно слышали различные истории о домовых, но в само их существование им не очень-то верилось до тех пор, пока однажды они не убедились в обратном.

А дело было так.

Однажды в июле к нам приехала погостить одна родственница, дама довольно склочного и неуживчивого характера.

Июльским ранним утром она услышала стук в дверь. Недовольная, что ее разбудили, пошла открывать пришедшим. Но, открыв дверь, она с удивлением обнаружила, что за ней никто не стоит.

«Померещилось», – решила женщина и пошла досыпать. Но не тут-то было. Буквально через десять минут стук повторился. И снова за дверью – никого. Так продолжалось несколько раз. Не подумайте, что дама была «с приветом». Вовсе нет. Стук она явно слышала и спросонья, и тогда, когда сон окончательно ушел прочь, уступив место недоумению и страху.

Что она передумала в эти предрассветные часы, понять нетрудно. Но только утром, когда хозяева тоже встали, дама, выложив с руганью эту историю, сама сделала заключение:

– Это ваш домовый выгоняет меня.

Кстати, эти стуки продолжались до тех пор, пока беспокойная гостья не покинула дом.

Через несколько лет хозяин того дома тяжело заболел. У него была привычка – громко хлопать в ладоши... В тот день он лежал в больнице, а домочадцы в определенное время слышали в углу дома громкий хлопок в ладоши. Как выяснилось чуть позже, именно в это время хозяин дома умер.

По многочисленным наблюдениям жильцов дома, домовый жил на чердаке, иногда лишь спускаясь в жилые помещения.

Когда кошек поднимали на чердак, часто слышали их дикие вопли и беготню (за мышами кошки бегали совсем по-другому).

Видимо, хозяин «недолюбливал» кошек. И еще часто, особенно по вечерам, со стороны потолка отчетливо были слышны шаги. Так, как будто по чердаку кто-то ходит.

С тем, что домовый живет рядом, жители того дома со временем свыклись и даже спокойно относились к его проделкам.

То упадет сверху кастрюля, то еще какой-нибудь предмет. То потерявшаяся вещь, лежавшая всегда на видном месте, после отыщется совсем в непредсказуемом закутке. А уж если появится гость, поносящий упреками и хозяев, и все вокруг, то надолго он не задержится.

В сильные морозы «хозяин» часто спускался вниз (об этом свидетельствовал скрип половиц, по которым никто не шел).

А невидимые эти шаги обычно направлялись за печку и там затихали.

В общем, стал домовый вроде члена семьи, только невидимого. Плохого ничего не делал, а пошалить – кто ж не любит?

Да, наверное, не зря в народе говорят: «Домовой – к счастью».

К. М.

И нечистая та сила показалась девкам милой

В «школьные годы чудесные» я каждое лето проводила у бабушки на даче в Подмоскowie. Это была самая лучшая, золотая пора моей жизни.

Помню, как темными августовскими вечерами мы сидели на крылечке нашего дачного домика, смотрели на звездное небо, и я, зажав дыхание, слушала «преданья старины глубокой».

А знала их бабушка великое множество, и рассказывать была мастерица. Вот я и хочу вам поведать одну из тех «былей-небылей» старой дореволюционной деревни...

Собрались как-то раз девки на беседу, вечеринку то есть. А кавалеров нету, у них в тот вечер дела нашлись поважнее. Девки уж как могли сами себя развлекали. И песен великое множество спели, и плясать пробовали. Да вот беда, без кавалеров-то и не поется, и не пляшется. Скучно, а домой еще неохота, рано.

Тут одна девица в сердцах и брякни:

– Раз парни не идут, хоть бы черти пожаловали да нас поразвлекли.

И только промолвила, как в сенях топот раздался и гармошка заиграла. И под разухабистую плясовую в избу толпа парней ввалилась. И все незнакомые, видать, из дальних деревень. Не стали, как местные-то, в дверях толкаться да с ноги на ногу переминаясь. А сразу к девицам подступились, разговорами их складными заговорили да давай кружить в танце.

И ни одна ведь в сторонке не осталась, всех кавалеры разобрали.

И какие кавалеры-то! Как на подбор, все статные, гренадерского роста.

Чубы по последней деревенской моде завиты и на ногах «лаковые штиблеты». Одно вот только худо: ни на минутку с папиросами не расставались, дым изо рта у них валил клубами.

И от такого небывалого веселья разомлели девичьи сердца, головушки закружились...

И неизвестно, чем бы это все закончилось, если бы в избу не вошла еще одна запоздалая девица.

А раньше-то ведь какой у православных был обычай? Всяк, кто в избу входил, непременно крестился. Вот и девушка та у входа перекрестилась.

А потом как крикнет истошным голосом:

– Девки, что вы делаете? Что ж вы с чертями-то пляшете?!

Тут и все девки вслед за ней начали креститься. И только осенив себя крестным знаменем, увидели своих «кавалеров» в их подлинном обличье: с рогами, а вместо штиблет лаковых – копыта.

Разоблаченные гости с визгом, ревом, гиканьем рванули к двери.

И след их простыл.

А ведь в этой-то немудреной сказочке смысл глубокий таится. Ни к чему девушкам лишний раз поминать «врагов рода человеческого», а вот крестом себя осенять и молитвы читать надо бы почаще. Тем себя и вправду от беды сберечь можно.

Да и мужчинам урок: вы уж милых-то своих без внимания не оставляйте, чтобы им не захотелось с чертями развлекаться.

И. С., Архангельская область

А я своего милого узнала по...

Как-то в молодые цветущие годы, в девятнадцать лет, мне и моей подруге пришлось погадать на суженого в пустом доме.

В святочную неделю дело было.

Сидели мы с ней при зажженных свечах, одна – в одной, а другая – в другой комнате, и смотрели на кольца обручальные, положенные в блюдечки. Кольца у старших раздобыли.

А жутко так, мороз градусов сорок, только стены трещат!

И вдруг... я вижу: в кольце показалось темное пятно. Присмотрелась...

Пятно все ярче, ярче. И вдруг я увидела меховую мужскую шапку.

А мы с подружкой-то гостили тогда у ее тетки.

Утром тетка наливает нам щей из русской печи – «ленок» говяжий достает.

– Ну-ко, – говорит, – которая из вас «ленок» раньше перегрызет, та раньше и замуж выйдет.

Я подружку свою опередила...

А тут у нас с ней кончились зимние студенческие каникулы.

Мы поехали на практику в Приморский район.

И что бы вы думали? Через неделю я там встретила своего суженого.

Я как увидела его, так и оцепенела: на парне была та самая шапка, которую я в кольце видела.

Через неделю после нашей первой встречи он мне в любви признался, а еще через неделю мы с ним расписались.

Тогда в сельсовете сразу расписывали.

Вот так бывает на белом свете.

Л. Н. Петухова, г. Каргополь

Тот самый Шулыкин

По молодости я, хоть и крещеный был, не верил ни в Бога, ни в черта, ни в приметы. Работал зоотехником в одном отдаленном совхозе, расположенном на границе Каргопольского и Плесецкого районов Архангельской области с Карелией.

А в те времена, в 60–70-е годы, летом практиковались отгонные лесные пастбища для скотины, пастухи держали ее по ночам в загоне, а сами жили в избушке.

Ну вот, поехал я на лошадке на одно такое лесное пастбище, где 180 телок содержались.

Приезжаю: там два пастуха ходят по загону – немые, небритые, волосы у каждого – дыбом. И ни одной телки в загоне нет.

Спрашиваю у них:

– Где скотина?

А они мне шепотом говорят про какого-то Шулыкина – дескать, Шулыкин скотину угнал. Вечером, говорят, весь скот в загоне был, а утром встали – ни одной телки нету, даже хромых и тех Шулыкин угнал.

Я сначала не понял ничего, подумал, что Шулыкин – это бригадир или директор соседнего совхоза, а скот угнали за поправу.

Спрашиваю пастухов: как это Шулыкин мог один всех телок угнать? И в каком совхозе он работает?

Пастухи поглядели на меня как на чокнутого и объясняют, что Шулыкин – это леший, он угоняет скотину и водит ее по лесу, ежели ему чего-нибудь не понравится.

Я выругал их в сердцах. Люди, говорю, в космос уже летают, а вы тут какого-то Шулыкина мне придумали. Сами всю скотину по пьянке растеряли, вот и валите с больной головы на здоровую! Что, говорю, хотите делаете, а телок ищите!

На следующий день я сам ружьишко взял, рюкзак, припасов кое-каких и пошел скотину искать. Разбил мысленно лес на участки и... Три дня по лесу шастал – не то чтоб хоть одну телку найти – даже следа коровьего нигде не обнаружил! А ведь телок-то 180 штук было!

На третий день встретил я рыбака на берегу лесной речушки. Он варил уху из хариусов. Меня к ухе пригласил. Разговорились.

Рыбака Иваном звали. Иван, узнав про мою беду, спрашивает:

– И следов коровьих в лесу нету?

– Нету! – говорю.

– Ну, это ваши пастухи Шулыкина чем-то обидели, вот он им и показал... Спрятал куда-то телок, закрыл от людского глаза...

Тут я взмолился:

– Да объясни ты мне толком! Второй раз про этого Шулыкина слышу. А ты вот в глаза его видел?

Иван оглянулся испуганно по сторонам – и мне:

– Не говори про Шулыкина худо, не обижай его. А то закружит тебя в лесу – век не выйдешь!

А потом Иван сжалился надо мной. Иди, говорит, в такую-то деревню, там бабушка Макаровна живет. У нее есть икона святого Власия. Выпроси эту икону на время, но обязательно дай взамен Макаровне несколько клочков шерсти от потерявшихся телок. В загоне собери шерсть или на дворе скотном, где они весной стояли. А потом, говорит Иван, с иконой ко мне приходи, вместе пойдем телок искать.

Ну что делать? Шерсти я нашел, Макаровну тоже нашел, рассказал ей про свое горе. Она расспросила обо всем подробно и говорит:

– Вижу я, ты человек крещеный, а вот крестика не носишь. Пойдешь искать скот – надень крестик и не снимай никогда. А ежели тебя ко мне Иван послал, дак ты, наверное, и шерсти принес?

Отдал я Макаровне шерсть, она мне иконку маленькую вынесла, в тряпочку завернутую.

– Иконку, – говорит, – в чужие руки не давай, отдай лично Ивану. А когда скотину найдете – Ваську Сидорова прогони из пастухов и больше в пастухи не бери. Это он Шулыкина прогневил!

На другой день пошли мы с Иваном телок искать. По тем местам, где я три дня ноги зря сбивал. И что б вы думали? Идем по лесу, что ни поляна – на ней 9–12 телок пасутся.

Как увидят нас, сразу к нам бегом, обступят и жмутся к нам. Мы вот так вот, группами, из лесу их в деревню и выводили.

За четыре дня всех телок собрали, все 180, ни одна не потерялась.

Иван по лесу без всякого компаса, что твой Шулыкин ходил! И иконка с нами.

За эти четыре дня два непонятных случая с нами произошли.

Ночевали мы одну ночь в избушке лесной. У меня хороший топорик был, я вlepил его у костра в бревно. Утром встали – нету топорика. Все обыскали – нету!

Через день пришли опять на это место ночевать, а топорик у костра в бревнышко воткнул, как будто тут и был.

И еще: идем с Иваном по лесу, впереди нас вроде бы костром потянуло.

Как вдруг Иван разворачивается на 180 градусов и говорит мне тихонько:

– Пошли отсюда быстрее, да не оглядываясь! Километра три от этого места чесали, Иван мне так и не объяснил, почему.

В общем, собрали мы с Иваном всех телушек. Я ему за четыре дня наряд выписал, деньги ему привез. А он обиделся.

– Я, – говорит, – от чистого сердца тебе помогал. – И не взял денег. – Привези, – говорит, – мне лучше крючков да лески, да с бутылкой приезжай, я тебя на одно озеро на рыбалку свожу.

Макаровне я иконку святого Власия отвез. Она дала мне целую сетку лука и на прощанье наказала, чтобы я о Шулыкине плохого слова не говорил, чтобы на пастбище с непокрытой головой не появлялся и чтобы крестик все время носил.

Много лет прошло с той поры. Давно нет на свете ни Макаровны, ни Ивана, но я до сих пор вспоминаю их добрым словом.

С Иваном-то мы подружились, вместе рыбачили и охотились, не одни штаны у костров сожгли.

Я до сих пор не могу понять, как это и Иван, и Макаровна тогда сразу же взялись помогать совершенно незнакомому человеку – мне. У меня такого дара, видно, нету.

А с Шулыкиным я больше не сталкивался, хотя и слышал про него еще много всяких историй...

М. Родионов, Плесецкий район Архангельской области

Эй, товарищ!

Сам я родом из деревни Стойлово Каргопольского района. Мы переехали из нее в другую деревню, когда мне семь лет было.

Стойлово находилось в стороне от большой дороги, в нем даже электричества не было.

После нас еще оттуда жители уехали, и в Стойлове остался жить только дедушка Александр Осинин. Он там зимой и летом жил в своей избе, за хлебом ходил в деревню Артемово, за четыре километра, в лесу.

Ему одному в Стойлове страшно было жить, особенно зимой. Один раз к нему ночью постучался и попросился ночевать знакомый мужик Василий Шумилов из деревни Ловзанги. Дедушка Саша пустил его, постелил ему на широкой лавке спать. А утром проснулся – нету никакого Василия. Вот он и ломал голову: то ли привиделся ему Шумилов, то ли на самом деле был. А тот проснулся среди ночи, да и ушел домой, не сказавшись.

А дедушка Осинин рассказывал такой случай. Однажды зимней ночью кто-то постучал ему в раму и громко-громко крикнул:

– Эй, товарищ!

Он потом до утра заснуть не мог, сидел на кровати – душа в горсти.

Утром вышел во двор – ничьих следов чужих около избы не нашел...

А. Воронин

Лихолетье

Семь годков только, а на руках – Колька да Лелька

Бабья месть

...Во время войны мы жили очень плохо. Особенно худо было зимой, когда все работы в колхозе завершались. У нас был большой, просторный дом, по вечерам собирался народ. Керосину принесут, сидят прядут.

Если керосина не было – рассказывают в темноте всякие страшные истории и сказки. Молодые мужики и ребята все ушли на войну, в деревне только девки да бабы остались. Молодых вдов было много – похоронки приходили.

Есть было нечего, печи топить нечем. У кого какая скотина была – от бескормицы пала. Воровать в колхозе боялись – за одну картофелину давали год тюрьмы, за свеклину – тоже год. А за два килограмма пшеницы давали семь лет. Охранники ездили на лошадях день и ночь – мужики! – колхозное добро сторожили.

И вот один охранник до того был вредный – его Поганкой прозвали. Он на тех, кто чего-нибудь стащит, свою «управу» придумал.

Поедет в поле на коне, коня спрячет где-нибудь и сам залезет в стог или скирду. Пойдут бабы сено для своей скотины воровать – он вылезет, разгонит всех, а одну сцапает и сделает с ней все, что хочет. Снасильничает то есть. И поди попробуй кому пожалуйся – посадят ведь за воровство.

И вот одна баба от Поганки забрюхатела, родила. За аборт тогда тоже в тюрьму сажали, но несколько баб от него аборт подпольно сделали. И до чего все злые были на этого Поганку – сказать словами нельзя.

И однажды, после того как он одну девку бабой сделал, решили ему женщины отомстить.

Один раз, специально, чтобы Поганка видел, человек восемь баб пошли с веревками в поле – будто сено воровать. Дело было в начале зимы, поземка уже мела, смеркалось на улице. Ну, Поганка на коня – да потихоньку за ними.

И когда он внезапно выскочил на баб возле скирды в темноте, те, вместо того чтобы разбежаться, всей кучей навалились на него. Навалились, наподавали ему как могли. А потом взяли палку длинную и просунули ему в рукава, чтобы он как чучело был, чтобы руками не мог пошевелить. Вдобавок сняли штаны и все его «хозяйство» оголили. Штаны-то не совсем сняли, а спустили до колена, чтобы они ему идти мешали. И бабы разбежались кто куда.

Поганка пока таким макаром, с растопыренными, как у пугала, руками и снятыми штанами, до деревни добирался – «хозяйство»-то у него подмерзло, подпортилось. Две недели он в больнице лежал. Но потом ни на кого из баб не указал. Да и не стал доказывать: стыдно, наверное, было, что его таким посмешищем выставили, без штанов.

Потом война еще года полтора шла, и Поганка опять охранником работал.

Но никто из женщин уже больше не брюхател от него и аборт не делал.

А после войны мы в Архангельскую область переехали.

Н.И. Писанчина, п/о Емецк, Холмогорский район

«Бородавка» для затравки

Я хочу поведать одну бывальщину, мне ее рассказала одна 85-летняя бабуля, которой уже нет в живых.

В деревне жила молоденькая девушка со своими родителями. Девушка была на выданье. За ней ухлестывал местный паренек. И стал ее звать замуж. Но девушка и не отказывала, и согласия не давала. Понял паренек, что за этим что-то скрывается, а ему уж больно девушка нравилась.

Раньше по деревням ходили странницы. Парень нарядился в одежду странницы и поздним вечером пожаловал к родителям девушки. «Странница» попросилась переночевать. Естественно, в ночлеге ей не отказали. Накормили, напоили чаем, расспросили о житье-бытье, куда она направляется, и стали укладываться.

Вскоре все улеглись спать.

«Странница» повела тихий разговор с девушкой. Ходишь ли на вечеринки? Есть ли задушевная подружка, дружок и т. д. и т. п. Девушка призналась, что есть паренек, который ей очень нравится, зовет замуж.

– А ты как на это смотришь?

– Да не могу решиться.

– Так в чем же дело?

– Есть у меня дефект: на причинном месте сидит бородавка.

«Странница» сказала, что это не причина.

– Я до старости прожила с бородавкой, замуж вышла, детей нарожала, всех вырастила. А ты потрогай мою бородавку. – «Странница» взяла руку девушки и положила на свою «бородавку».

Девушка аж испугалась, насколько велика была «бородавка», и подумала: «Надо же, с таким дефектом странница прожила всю жизнь».

На этом они закончили разговор, отвернулись в разные стороны и заснули.

«Странница» утром раненько встала и довольная отправилась в путь-дорожку. А вечером нагрянули сваты и безо всяких проволочек высватали девушку за того самого паренька.

Пенсионерка Н. К., с. Карпогоры, Пинежский район Архангельской области

Деревня наша – волчий угол

Чем старше становишься, тем чаще детство вспоминается: родная деревня, речка, из которой мы в летние месяцы вылезать не хотели, лес, куда по грибы да ягоды ходили... И еще почему-то вспоминаются... волки.

Волки и... гармоника

Случай, о котором я хочу рассказать, произошел очень давно, и было мне тогда годочков семь или восемь. Стояла зимняя ночь. И наша семья как-то вдруг разом проснулась. А проснулись-то мы из-за гармошки. Где-то в ночи на подходе к деревне она не играла, а как-то странно то ли рыдала, то ли всхлипывала.

И все мы с тревогой подумали об одном: о Сашке. Сашка – мой старший брат. Он дружил с девушкой, которая жила в пяти километрах от нас. Сашки дома не оказалось. Он вечером ушел к невесте на посиделки. А уже поздняя ночь. Мы прильнули к окнам и стали гадать: Сашкина ли это гармонь «рыдает»? Вроде бы нет. Сашка никогда так не играл...

А ночь была лунная, и мы увидели брата издалека. Он шел по улице, играл на гармошке, а за ним след в след – два волка. И эти два волка, плетясь за братом, жутко подвывали.

Отец встрепенулся, схватил топор – и на улицу.

А я в окно видела, как отец распахнул перед Сашкой калитку и, едва тот оказался во дворе, захлопнул ее.

А потом я видела, что брат мой сделал еще два-три шага, выронил гармонику и, как подкошенный, повалился в снег.

Оказывается, Сашка потерял сознание.

А когда он пришел в себя, то вот что рассказал...

Волки его встретили, когда он возвращался домой. Они стояли у него на пути, будто заранее поджидая, и угрожающе скалили зубы.

Погибель была неминуемая. И тогда мой братец схватился за свою хромку, заиграл что-то плясовое и пошел на зверей. Волки расступились и двинулись за ним. И тут Сашка услышал волчье подвывание, звери как бы подпевали гармошке. Так втроем они и шли целых два километра. Потом братец мой уж и мелодии-то все забыл, и просто дергал туда-сюда свою гармошку.

Вот такая история произошла с моим братом. И я до сих пор не пойму, почему волки не тронули Сашку. Неужели звуки гармоники их заворожили?

«Наши» волки хорошие, а «не наши» – плохие

Вот слышала я, что медвежьими углами захолустные места называют. А мою родину можно было бы назвать углом волчьим.

Как-то родители сказали, чтоб я с детьми шла в лес за брусникой. Нас, детишек, было семеро, а я – старшая, девять лет. Дошли до леса, а брусники там видимо-невидимо. Берем, перекликаемся. И вдруг Катя кричит мне:

– Тая! Тут собачки маленькие бегают.

Я подошла, поглядела – верно. Только на собачонков-то щенки не похожие. Но я сразу-то не испугалась, пока, собирая ягоды, не натолкнулась на нору под корневищем большого дерева. Вход был широкий.

Вот тут-то и вспомнила, что отец говорил про логовище волков... И я стала скликать ребяташек. Когда мы уходили, волчата долго бежали за нами, играя. Я знала от отца, что волчица должна быть где-то рядом и следит за нами. Кричу на ребят:

– Не трогайте их! Нельзя! И не вздумайте в них чем-нибудь бросить...

Мы отбежали от этого места метров двести и услышали волчий вой. Это мать-волчица сзывала разбежавшихся волчат. А щенки, как только услышали мать, так все разом побежали назад.

Мы пришли домой во время обеда и рассказали все родителям. Мужчины пошли в лес с ружьем. Но логовище оказалось пустым. Волчица увела щенков в другое место.

Когда я стала подрастать, то о волках узнавала все больше и больше.

Оказывается, есть волки «наши» и «не наши». «Наши» – это те, что в нашем лесу живут, недалеко от деревни. И узнала я, что «наши» волки хорошие, а «не наши» – плохие.

Наши волки ходили на охоту километров за пять-шесть. И там ловили овец и телят. Знала я, что волки очень много мяса глотают, а придя в логовище, это мясо отгрыгивают, чтоб накормить щенков. Носят волки свою добычу в зубах – сама видела.

В нашей деревне «наши» волки скот не трогали. Зимами в соседних деревнях всех собак переимают, а наши собаки – целы.

Коровья тактика обороны

Был интересный случай: я пасла домашних коров с телятами. Коров было пятнадцать, а телят – пять.

Ну, пасла я, значит... Да и утомилась. Да и задремала. Знойно было очень. Коровы тоже все лежали. И вдруг слышу рев невообразимый.

Вскочила я на ноги, гляжу, а коровы-то кружком выстроились, а я и телята – в центре этого круга.

А коровы режут по-страшному, головы – до земли, рога свои, как вилы, выставили. А еще вижу, что за этим живым коровьим кругом пляшет, мечется волк, к телятам прорваться норовит.

Ну, я и закричала.

И на мой крик и на рев коров прибежал дед Анисим. Волк и отступил, ушел к лесу.

Вот ведь в военных книжках писали про круговую оборону. В самом деле, «кругом»-то обороняться легче, когда повсюду враги. Только откуда коровы-то про это знают? А может, это военные люди тактику обороны у коров переняли?..

Провожатые

Ох уж эти волки! Вспомнить страшно.

Училась я в восьмом классе в районном центре. А до райцентра было 25 километров. От родной деревни мне приходилось идти до деревни Валовая шесть километров, где меня дожидалась одноклассница Шура, и дальше мы уже шли ночью вдвоем, чтоб успеть к десяти утра в школу.

Конечно же, приходилось принимать меры предосторожности от волков. В дорогу мне давали два снопа тресты льна. Это если повстречаются волки, то я должна буду жечь снопы, которые были очень плотно увязаны, чтоб дольше горели.

И такой путь я проделывала раз в неделю. А там, в райцентре, я жила у бабы Луши. Мои родители ей платили за это.

Так вот, на этот раз до одноклассницы Шуры я добралась без приключений. А дальше мы вместе пошли. И снопов у нас стало уже четыре. Мать Шуры что-то нас не отпускала, все плакала. Но мы все-таки ушли.

Шли лесом, как вдруг видим, две собаки идут навстречу. На волков мы не подумали. От нас до них оставалось метров пятьдесят, когда я все поняла и закричала:

– Зажигай!

Снопы не сразу, но загорелись.

Обратно идти – далеко, вперед – два километра.

Стали махать горящими снопами, волки нас пропустили, но пошли за нами. Шли мы медленно, взад пятками. Это от страха: снопы горели, а идти еще далеко. У нас с собой было мясо, сало, хлеб. Бросали зверям, и, пока они ели, мы принимались бежать. Скормили волкам все, что было. И уж деревню видно. Но до нее еще надо дойти. А как? И стали мы жечь книги, тетради, рукавички...

Едва дотянули до крайнего дома. А там еще и не открывают. Уж больно дед подозрительный попался. Открыл, увидел наших провожатых и опешил. А мы все еще отбиваемся от волков горящими рукавичками...

Утром нас увезла в школу попутная машина. Пришли мы на третий урок обгоревшие, грязные. Галина Петровна, учительница, даже испугалась. Сообщила обо всем родителям. После этого наши отцы провожали нас до школы по очереди. Было это в 1948 году.

Как я волка застегнула

Много раз удавалось от волков уходить, но вот однажды мне показалось, что пришел мой конец.

Было мне восемнадцать, когда я стала работать заведующей столовой на лесоучастке. И вся финансовая ответственность была на мне. Я даже с отдельных общепитовских точек должна была деньги собирать.

Однажды я поехала верхом на коне за выручкой на отдаленный участок. В ту-то сторону доехала хорошо, а вот обратно... Дело было к вечеру, и меня стали уговаривать, чтоб я не ехала, а подождала до утра, потому что егеря видел большую стаю волков.

Но я поехала. Правда, дед Матвей, конюх лесоучастка, дал мне плетку. Сказал, что в конец ее вплетена свинцовая проволока. Но я этому не придавала значения. Для меня все плетки одинаковые.

Еду, значит. До лесопункта оставалось два километра, как вдруг конь подо мной осел на задние ноги. Вскрапнул, взвился на дыбы и – понес. Я оглянулась – волки.

Много волков! И все за мной гонятся. А впереди – вожак. Он быстро настигал нас. Нагнал и стал то слева заходить, то справа. Куда уж он метил – не знаю. Но когда он в очередной раз зашел справа от лошади и, как мне показалось, намеревался сделать прыжок, я совершенно неосознанно взмахнула плеткой и ударила зверя. Волк взвизгнул и стал отставать. А вскоре я на коне в поселок вылетела.

А назавтра дед Матвей приехал. Рассказывал, что видел много крови на дороге и решил, что это со мной приключилась беда. Когда я ему рассказала все в подробностях, он заключение сделал:

– Выходит, ты, девка, застегнула волка-то... Выходит, моя плеточка со свинчаточкой спасла тебя.

Т.И. Лодыгина, г. Северодвинск

Семь годков только, а на руках – Колька да Лелька

Детство мое на войну пришлось. Отец в первые же дни на фронт ушел, а нас, детей, у мамы на руках четверо осталось: старшему Жене 11 лет исполнилось, а младшей Ольге – всего годик. А мы с Колькой – посередине. Пришлось нам из райцентра в деревню переехать и в колхозе маме работать. Летом она вместе с Женей на сенокос по маленьким речкам уходила, да не на день или два, а неделями дома не появлялась.

Тогда весь дом с русской печью, брат с сестрой да коза Нюрка находились на моем попечении. А мне и самому-то было тогда 7 годиков.

Самая большая проблема в то время была – чем брата с сестрой кормить. Выручала коза Нюрка...

Ты упряма, я упряма: беды делим пополам

Козу без веревки на улицу отпускать было нельзя: кругом поля колхозные да огороды соседей, потому ее нужно было или пасти где-нибудь, или на веревку к колу привязывать где-либо в логу или на поле, пущенном под пар. А так как травы было мало, то козу за день нужно было перевязывать на другое место раза два-три.

Иногда я это делать забывал, или козе трава не нравилась, и тогда встречала она меня вечером рогами. Много раз катала меня по земле и так натычет, что я никак не успевал на ноги вскочить и отбежать на безопасное расстояние.

Не коза, а дьявол: сама – большая, белая, а рога-а – страсть... Не сходились мы с ней характерами, разве что упрямым были оба не обделены. Мне-то волей-неволей надлежало быть упрямее ее, иначе семья без еды останется.

В поле и из поля я водил ее на длинной веревке, чтобы всегда была возможность успеть вскочить на изгородь и уберечься от ее рогов. Короче, ни на одну минуту расслабляться с ней было нельзя.

Игровой наехал пыл: про козу я позабыл

В тот день я с Ольгой на руках ушел в соседнюю деревню и там с друзьями заигрался. Сестру чем-то покормил и тут же на улице спать уложил. Она долго проспала, а когда проснулась и заплакала, то и я спохватился, что время уже к вечеру, а козу за день так и не перевязал. А раз так, то и молока мало даст, – я ее норы уже изучил. Быстро Лельку (так тогда в деревне всех Олей называли) домой притащил, в люльку-зыбку положил, покачав, успокоил, сам крикнул заигравшегося брата Кольку, чтоб за сестрой присмотрел, и побежал за козой.

Почему-то в этот раз я впервые боялся за ней идти, словно чувствовал перед ней вину.

Еще издали, с угора, увидел, что Нюрка стоит, натянув веревку, а кругом словно циркулем круг очерчен вытоптанной за день земли без единой травинки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.